ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
СИНЕЕ ПЛАМЯ
АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
ТКУЩИЕ
МРАК

Синее пламя

Алексей Пехов

Ткущие мрак

«Автор»
«Автор»
2021

Пехов А. Ю.

Ткущие мрак / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор», 2021 — (Синее пламя)

С севера приходят все более тревожные вести – война приближается. Шаутты, демоны той стороны, вернулись. Вэйрэн, уничтоженный Шестерыми много веков назад, возрожден. И нет уже больше волшебников, способных противостоять его магии. Теперь люди могут полагаться лишь на себя. На юге, в Треттини, в великой столице Рионе, собираются те немногие, кто готов бросить вызов несущему мрак и выступить против демонов.

© Пехов А. Ю., 2021
© Автор, 2021
© Автор, 2021

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 24
Глава третья 33
Глава четвертая 50
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Алексей Пехов
Ткущие мрак

Глава первая
Верность

Верность – вещь распространенная. Ее можно найти в любой части Единого королевства, в любом городе и даже на дороге. Каждый верен чему-то очень важному и значимому, ведь такая верность ничего не стоит, потому что она – пустые слова.

Скажу, возможно, вещь крамольную, но верность утратила свое истинное значение еще в ту пору, когда Шестеро предали асторэ. Да простит меня Храм, которому я всецело предан, и Госпожа, что основала его, но какие бы добрые помыслы ни были у Шестерых, слово они нарушили. Ибо людям свойственно нарушать слово.

Верность же настоящая – товар штучный и встречается куда реже асторэ, которых в наши времена порой даже таувины не находят за всю свою жизнь.

Изгнанник из Храма Мири

Когда Захира да Монтаг в первый раз увидела горы, то едва не заплакала от той безысходности, что охватила ее. Она, дочь Феннефат – Великой пустыни, рожденная в жаркий сезон, среди желтых песков и алых утесов, знавшая о холоде ночи и зное полудня, видевшая зеленые сердца оазисов и розовые волны фламинго, ощущала полное бессилие в этом суровом краю.

Никакого пространства. Никакого горизонта. Узкие долины с бесконечными, ревущими, точно демоны, реками, несущимися со скоростью обезумевшей лошади. Отвесные стены камня, уходящие далеко вверх, теряющиеся в низких, проливающихся дождем облаках. Когда облака расходились, то открывались ослепительные зубья пиков, острых, белых, безучастных ко всем живым.

Ей было страшно задирать голову, видеть вершины, потому что все здесь было слишком другим. Чуждым. Чудовищным. Из мрачных темных сказок кормилицы, повествующих о дремучих еловых лесах и существах, что живут под кронами странных деревьев, так не похожих на финиковые пальмы.

А еще в краю ее будущего неизвестного мужа властвовал холод. Непреходящий, осторожный, незаметный и дикий. Проникающий под теплую одежду так, как убийца пробирается в дом к своей жертве.

Люди тоже были другими. Высокими, широкоплечими, светлоглазыми, часто заросшими бородами. Ценившие мех, шерсть и сталь, а не шелк, хлопок и прекрасный серфо. Молчаливые, хмурые, они встречали и провожали процессию невесты, не издавая ни звука. В Карифе все бы кричали, махали яркими платками, кидали под копыта ее лошади цветы и спелые абрикосы. Здесь же люди были словно камни. Безучастные.

Потом, много времени спустя, она поняла, что ошибалась и подданные Горного герцогства отнюдь не камни, просто всегда насторожены к тем, кого считают чужаками.

Холод людей, ее будущих подданных, холод природы, высасывающий тепло из тела, не привыкшего к такой погоде, холод воды…

Вода…

Вода смущала почти так же, как горы. По сравнению с пустыней ее оказалось необычайно много.

Даже после путешествия через море.

Она лилась бурными реками, прыгая на перекатах, затаскивая в жадную пасть любого, кто оказался неосторожен, чтобы сорваться и упасть в нее. Собиралась зеркалами бездонных озер, отражавших снежные шапки, бледно-карминовые на морозном рассвете и кроваво-алые во время кратковременного пожара заката. Скрывала белым туманом землю, цеплялась им же за верхушки мрачных елей, а затем превращалась в свинцовые тучи, которые порой на дни закрывали лазурь небес.

Вода моросила, лилась, секла, прижимала, вызывала камнепады, сели и оползни. Сочилась из-под густого мха, капала с широких листьев, созревала каждое утро алмазной росой на высокой траве.

Там, наверху, превращалась в белое, в снег. Захира в первый раз увидела его меньше полутора недель назад, проезжая через величественные Драбатские Врата, за которыми начинались настоящие горы.

Вода сползала вниз неповоротливыми ледниками, грязно-серыми, серо-белыми и серо-голубыми, разрезая горы и перекрывая долины.

Падала с гранитных козырьков гремящими потоками, украшая скалы, словно фата украшает невесту. И Захира, глядя на эти потоки, и подумать не могла, что через несколько дней увидит отца всех водопадов, величайший Брюллендефоссен.

А пока она поражалась иному. Тому, что воду здесь никто не ценил, не благодарил за нее Шестерых, не копал глубокие колодцы, молясь, чтобы она появилась на дне, не создавал каменные хранилища, чтобы удержать ее.

И не страдал от жажды, когда влага внезапно исчезала.

Не умирал.

Воду здесь воспринимали как должное. А порой как проклятье, когда она пропитывала одежду, шатры, лошадиные шкуры и превращала землю в грязное месиво.

Чужой край. Чужая страна. Чужая погода, природа, люди, еда, обычаи и правила.

Чужой человек, владетель этого места, с которым девушка должна связать свою кровь, постель, жизнь.

Очень хотелось сбежать, но она была дочерью любящего отца, сестрой мудрого брата и внучкой величайшего правителя Карифа. Ее семья дала слово, и она не собиралась его нарушать, позоря и предков, и потомков. Ибо когда члены правящей семьи совершают недостойные поступки, тень их дел падает на всю семью, омрачая прошлые заслуги и затмевая будущие.

Именно так Захиру учили в Эльвате, и ей не приходило в голову ослушаться. Ее дед, Стилет Пустыни, говорил: «Правитель получает многие блага, но и идет на многие жертвы, ибо такова его дорога в мире Шестерых». А благородная карифка хотела быть достойной внучкой.

Потом, оказавшись в Шаруде, она увидела великий водопад, четыре самых высоких пика этой части мира и… владетеля сурового края. Возможно, странно было ставить воду, горы и человека в один ряд, но каждый из них поражал ее чем-то своим.

Будущий муж казался таким же странным, загадочным, суровым и чуждым, как все, что окружало южанку.

Затем была свадьба, пир на несколько дней, грандиозное празднество, когда к ее ногам бросали нежные эдельвейсы, славя молодоженов.

Она помнила момент, как мальчишка прошел по натянутому тросу над водопадом, повторив то, что сделал некогда Тион.

– У него не выйдет, – сказал ей Дэйт, близкий друг мужа. Тогда еще молодой, без седины в бороде. – Никто не смог пройти по канату над пропастью целую тысячу лет.

Захира смотрела, как циркач бросил бездне вызов, и загадала, что если он преодолеет весь путь, то это знак для нее. Сами Шестеро улыбнутся ей, обещая, что холодная неприветливая страна станет для нее надежным домом, а семья получится счастливой.

На последних шагах канатоходца из-за облаков брызнули солнечные лучи, упали на снежные вершины и отразились от вечных ледников, слепя зрителей.

А потом раздались ликующие крики со всех сторон, на мгновение заглушившие даже рев великого водопада. Ей тоже хотелось кричать вместе со всеми, но положение обязывало проявлять сдержанность, так что Захира ликовала в душе.

Шестеро с ней! Они слышат ее молитвы, и все будет хорошо!

Карифка отправила к канатоходцу личную служанку с кошельком марок и стальной брошью в виде грифа, знаком благосклонности теперь уже герцогини Горного герцогства, и помнила тот день, когда гости со свадьбы разъезжались. Яркое солнце золотило вершины вокруг Шаруда – Зубец Тиона, Гребень Арилы, Нейси и двугорбую Печать Таувинов.

– Золотой день, ваша светлость, – негромко прошептал Тэлмо, первый советник мужа. – Молю Шестерых, чтобы все дни вашей семьи были такими.

Она знала, что так и будет.

И так было.

Трое сыновей. Влияние. Уважение. Муж, который прислушивался к ее ненавязчивому мнению. Крепкий трон. Сильная страна. Будущее.

Все это разрушилось в один миг, когда на свечах вспыхнул синий огонь, и двое ее детей не пережили ту страшную ночь.

Она не сошла с ума лишь благодаря своей воле. И надежде, что принесла Рукавичка. Но и этой надежде не было суждено сбыться, и теперь Захира осталась ни с чем.

Золотые дни прошли, их не вернуть, а счастье (нет, не счастье, призрачная уверенность!) было позаимствовано лишь на краткий срок. То, что она загадала, когда циркач совершил чудо, не исполнилось. Шестеро, от которых она отреклась ради Вэйрэна, отвернулись от нее.

Чего еще было ожидать?

В итоге вся ее жизнь, ее будущее оказались разбиты вдребезги. Разлетелись на тысячи мелких осколков, изранивших душу. Детей больше нет. Муж убит. Государство рассыпалось на глазах, раскололось на мелкие баронства, грызущиеся между собой за веру, пытающиеся выжить в мире синего пламени.

Она не знала, кто виноват.

Ее желание защитить то, что смогло уцелеть? Ее недальновидность и наивность, которой воспользовались шаутты, проникшие в самое сердце страны и сковавшие из нее нечто темное, абсолютно чужое? Тэлмо, который растерял всю свою легендарную мудрость и не увидел опасности? Верный Дэйт, неспособный защитить того, кому дал клятву? Золотые карпы, что не спасли сына, хотя получали жалованье полновесными марками? Слишком многие совершили ошибки.

Но… она винила акробата. Понимала, что это глупо, с таким же успехом можно было упрекать во всех бедах первого встречного, но ничего не могла с собой поделать. Ей требовался хоть кто-то, чтобы проклинать его, и для этого как нельзя лучше годился циркач, имени которого она не помнила, чей облик давно поблек так, что Захира не узнала бы его, если бы встретила. Но очень хотела встретить и убить. За то, чего он не сделал: чтобы хоть как-то выместить свое бессилие и отчаяние. Потому что герцогиня связала с ним столько надежд, которые спустя годы совершенно не оправдались.

Женщина, думая обо всем этом, стояла в тонком шерстяном платье возле распахнутого окна, не обращая внимания на холод, тянущийся с улицы. Он сочился с ледника, вползал в быстро остывающую комнату, где не разожгли очаг, и мертвенный синий свет десятка свечей, которые с уходом солнца разгорались все ярче, делал обстановку еще более неуютной.

С Гребня Арилы уже сошел алый отблеск, ледники стали темно-фиолетовыми и собирались посереть, встречая ночь. Она в горах была такой же внезапной, как в пустыне. Лишь это объединяло Горное герцогство и Кариф.

Сумерки когтями цеплялись за острые пики, а вот внизу, под герцогским замком, в долине, сизый свет померк, сменившись кромешным мраком, который распустился сапфирами городских огней Шаруда. Сотнями маленьких, морозных, мертвых синих глаз неведомых хищников.

Еще несколько месяцев назад Захиру пробирал ужас от этого зрелища. Город, ставший родным, превратился в зловещего чужака. Синее пламя, сперва внушавшее ей спокойствие, теперь вызывало лишь ненависть в пустой душе.

Ненависть к той стороне, что смотрела на нее из городских кварталов.

«Их все больше с каждым днем, – подумала герцогиня, сжав кулаки. – Ночами они горят в каждом городе Западных долин, на фермах в самых дальних ущельях, в сторожевых башнях на перевалах и в баронских замках».

Вместе с холодом начала ночи в окно проникали и звуки: рокот водопада, сейчас казавшийся нечетким, размытым и приглушенным, словно его укрыли большой подушкой, и… стук молотков.

Строительные молотки теперь стучали безостановочно. Водяные пилы, способные резать камень, визгливо подпевали им. В светлое время суток снизу, из города, по одной из двух дорог, ведущих к замку, волы и лошади-тяжеловозы тянули на укрепленных подводах массивные блоки, вырубленные из тел гор. По приказу молодого герцога каменщики, архитекторы, кровельщики, строители, приглашенные (а также согнанные) со всей страны, восстанавливали башни Калав-им-тарк, разрушенные после боя Тиона с шауттами.

Она наблюдала за строительством неделя за неделей, видя, как выправляются оплавленные стены, скрываются трещины, вырубаются деревья, растущие между кладкой и на балконах. Как тянутся шпили к звездам, становясь все выше и выше. Она слышала разговоры, люди радуются, восторгаются этой хищной красотой. Каждая башня словно сложена из сотен черных лезвий, переплетенных между собой. Горы вновь увидели облик старины, который помнил Вэйрэн, а теперь вернула Рукавичка.

Захира не испытывала никакого восхищения. Лишь страх, и потому не могла смотреть на бывший оплот шауттов долго, отводила глаза, ощущая, как холодеет у нее где-то в груди, как пот течет между лопатками и мурашки бегут по рукам.

О, сколько бы она дала, чтобы их разрушили вновь! Жаль, что Тион, спасая сестер, не довел дело до конца.

Так она смотрела пару часов, не шевелясь. В ее покои несколько раз заходили. Сперва стражники, затем служанка, интересовавшаяся, нужно ли что-то госпоже. Не дождавшись ответа, женщина из новых нанятых принесла на подносе ужин и ушла.

Но ужин давно уже остыл, а Захира не была голодна.

Наступила ночь.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли две ее фрейлины: Иорнада и Мэгг. Похожие друг на друга как сестры – статные, сероглазые и крепкие. Типичные уроженки Горного герцогства.

Вопреки правилам двора, диктующим жене владетеля брать в услужение девушек первых кровей, Захира сразу после свадьбы ввела свои порядки, и муж (в отличие от Тэлмо) не стал возражать.

Большинство фрейлин приехали вместе с ней из Карифа, она хорошо их знала, многих с самого детства, по Женскому Углу. Она могла им доверять, с ними было комфортно, удобно, привычно, и лишь несколько дам из Шаруда удостоились чести встать подле. Муж советовал бросить кость псам, чтобы у тех не появилось повода рычать, и она сделала это.

После почти все те, кто числился в ее свите, погибли, когда пришли шаутты. Иорнада и Мэгг – из немногих, кто выжил. Она приблизила их к себе, когда стала герцогиней, опять нарушив устои и приняв под свое покровительство девушек из столь худосочных и жалких

родов, что выглядело это насмешкой над другими, в первую очередь над кузеном его светлости, вечным претендентом на Львиный трон, который пытался ввести в Шаруд одну из дочерей.

Шпионить, без сомнения.

Герцогиня предпочла взять вместо одной богатой двух бедных. Из семей тех баронов, что спят под одной крышей с овцами, носят на плечах дедовскую кольчугу и не гнушаются, несмотря на благородную кровь, браться за плуг вместе с простым людом.

Когда Тэлмо спросил, почему она предпочла их, то Захира ответила первому советнику старой поговоркой Горного герцогства: «Чертополох сильнее большинства роз».

Иорнада и Мэгг были этим самым чертополохом – диким, колючим, неприхотливым. Душой горных скалистых пустошей.

Захира помнила, как они пришли к ней, чуть напуганные и ошеломленные приглашением герцогини. В своих лучших, ужасно бедных груботканых платьях, с серебряными, спешно начищенными браслетами, поясами и серьгами, украшенными мелкой бирюзой. Сокровища женщин их родов, переходящие от бабок к внучкам со времен, когда люди перестали думать о выживании после Катаклизма.

– Многие из тех уважаемых юных женщин, кто сейчас ждет моей милости внизу, хотели бы оказаться на вашем месте, – сказала им Захира. – Богаче вас. Именитее. Влиятельнее и опытнее.

– Но они там, а мы здесь, ваша светлость. – Мэгг и в то время была достаточно дерзка, даже если боялась.

– Это может закончиться так же, как и началось, – с легким смешком ответила герцогиня, передавая первенца на руки няньке. – Я способна дать вам многое, Мэгг да Макланд и Иорнада да Нат. Весь вопрос, что такого можете предложить мне вы?

– Верность, моя госпожа, – мгновенно, без колебаний произнесла Иорнада красивым чувственным голосом, и Мэгг поспешно кивнула, а затем посмотрела в темные глаза карифки и кивнула еще раз. Так, чтобы стало понятно: она знает, что обещает и отдает. – Клянусь в этом кровью всех моих предков. Мы, может, и небогаты, но никто не назовет нас лжецами. Да Наты и да Макланды ведут свой род от Думгала Пьющего, что возглавил авангард войска Тиона в битве у Колесовых вод. Там, где сейчас от великих гор остались лишь крошки. Сам Войс отмечал его доблесть и его верность слову. Пусть мы теперь бедны, но слово потомков Думгала так же крепко, как и прежде. Ведь это единственное, что мы смогли сохранить и чем мы гордимся. Вы получите нашу верность до конца дней этого мира.

Ей понравилась цена, которую горянки готовы были заплатить. В конце концов, верность довольно редкий товар, особенно если он не подделка.

И, как смогла убедиться Захира спустя годы, товар оказался качественным.

Они служили, она платила им, вытаскивая обедневшие роды из грязи. Медленно и незаметно. Помогла их братьям, обеспечила достойную старость отцам и матерям, нашла выгодные браки для фрейлин, ставших баронессами.

Их жизнь шла хорошо, пока они, как и Захира, не потеряли все. Дети, чуть старше Эрего, сгинули где-то в Скалзе со многими из тех, кто выехал туда из Шаруда. Мужья погибли вместе с ее мужем.

– Готово, ваша светлость. – Иорнада затягивала завязки на лифе платья. – Мальчики каменеют, стоит лишь показать им грудь. Мэгг справилась легко.

Мэгг тщательно вытерла окровавленные руки о дорогую штору, а после рук – клинок длинного узкого кинжала, который, как знала Захира, фрейлине подарил супруг на свадьбу по обычаям Западных долин.

Думая об этом, герцогиня коснулась широкого кольца на большом пальце левой руки. То, что оно все еще с ней, дарило ей уверенность в выборе. Свободе, которая всегда рядом, стоит лишь захотеть.

– Тогда не будем мешкать.

Захира, подхватив теплый серый плащ, направилась к двери. Две ее фрейлины, накинув на плечи точно такие же плащи, лежавшие на низкой табуреточке, пристроились позади. Наконец-то спустя почти три месяца она покинула свои комнаты… свою тюрьму, если быть более точной в формулировках.

Зал с камином, в котором плясало ненавистное синее пламя, пах смертью.

Двое ее нынешних сторожей в одеждах с вышитым знаком Вэйрэна – водоворотом – лежали на каменных плитах. Один уже не дышал, его куртка и штаны медленно пропитывались темной кровью, другой изо всех сил цеплялся за жизнь, пытаясь липкими скользкими пальцами зажать не такую уж и большую рану на шее.

Он то всхлипывал, то булькал и, заметив движение, скосил глаза в сторону герцогини. Она знала его. Один из тех мальчишек, кто некогда сторожил ее покой, как и другие молодые дворяне, пытаясь заслужить милость владетеля и внимание да Монтагов.

Вновь Захира подумала, как быстро все изменилось. Страж превратился в тюремщика благодаря новой вере, что сводила людей с ума или делала из них чудовищ.

Она хладнокровно прошла мимо, зная, что жить ему осталось не больше нескольких минут. Что же. Нет смысла терять время на глупцов.

Лишь посмотрела на невозмутимую Мэгг. С этой стороны она ее не знала. Насмешница, острая на язык, оказалась остра не только словами. А ведь до самого последнего момента герцогиня не верила, что у фрейлины получится задуманное.

– Ловко, – оценила она.

– Отец держал свиней, моя госпожа. И я видела, как можно убить хряка так, чтобы он не разворотил своей тушей весь хлев. И делала это каждый год, пока вы не приняли нас. Людей можно убить точно так же. Просто надо знать, куда втыкать кинжал.

За последние месяцы замок сильно опустел. Многие стражники, слуги и благородные покинули его. Многие уже на той стороне. Или служат ей. Так что трех женщин встречали лишь гулкие безлюдные коридоры. А если они слышали шаги патрулей, то отступали в смежные комнаты.

Старались идти тихо и быстро, понимая, что вскоре тела воинов обнаружат. Герцогиня с досадой подумала: следовало втащить мертвецов в покои, но теперь уже поздно возвращаться назад. Да и крови на полу слишком много, чтобы легко избавиться от нее.

Не время сейчас беспокоиться о людях, когда, судя по пламени, где-то рядом рыскают совершенно иные существа. Заговорщицы рассчитывали лишь на удачу, и пока она им сопутствовала.

Прошли жилые помещения, спустились в крыло слуг. Здесь, в маленьком темном закутке, им пришлось стоять, крепко прижавшись друг к другу, считая тяжелые шаги трех стражников… прошедших мимо.

Те обсуждали войну, что все больше распространяется по Фихшейзу, и победы молодого герцога. А еще то, что они здесь, а не вместе с другими, на полях сражений. Ибо весенняя кампания выходит уж больно жаркой, несмотря на всю помощь Темного Наездника.

В кухне, печи которой еще не успели остыть, они встретили его. Эту тварь, слугу Вэйрэна, солдата Рукавички, частичку армии асторэ, великого герцога Эрего да Монтага.

Высоченная нескладная фигура отделилась от стены, завешанной сковородками всех форм и размеров, встала, перекрыв им путь. От нее веяло угрозой, в ней не было ничего человеческого, и Захира не могла понять, как все эти обожатели мятежного асторэ, некогда бросившего вызов Шестерым и проигравшего, не видят, что это такое.

Не добро. Отнюдь не добро.

Впрочем, поведение людей, ослепленных ложной верой, не вписывается в обычную логику. Они верят, что шаутты, стекающиеся в Шаруд, столь испуганы силой Рукавички, что

готовы служить ей. Что они беспрекословно выполняют приказы той, что общается с Самим, и покарают всех врагов молодого герцога.

Когда это случилось? Когда демон, вызывавший ужас, вдруг стал считаться верным союзником?

Верным! Союзником!

– Я Захира да Монтаг, – сказала она ровным голосом, удивляясь самой себе, потому что сухой язык, казалось, приклеился к нёбу. – Мать Эрего да Монтага, твоего господина. Иду по своим делам, до которых тебе нет никакого дела. Прочь с моей дороги.

Оно наклонилось к ней, приблизив странно-уродливое лицо к ее лицу. Несколько мгновений изучало женщину, затем отодвинулось и осторожно, словно шагая по яичной скорлупе, вернулось назад к стене, растворившись в густых ночных тенях.

Когда женщины покинули кухню, Иорнада пробормотала:

– Говорила же. Они глупее людей.

Лестница вниз, замковые склады, лестница, караулка, в которой счастливо похрапывали двое неопрятных солдат (Дэйт за такое спустил бы с них шкуру), снова лестница. Череда тяжелых деревянных дверей, окованных сталью, с мощными круглыми кольцами-ручками, на которых выступила влага. Здесь факелы горели через каждые сто шагов, и их свет радовал глаза, ибо он был обычным.

Земным. Родным.

Они пошли свободнее, понимая, что шауттов поблизости нет. Захира уже не знала этот путь через подземелье, поскольку не в ее привычках было ходить так далеко от жилых частей замка, но Иорнада вела их с уверенностью человека, бывавшего здесь не раз и не два.

Коридор закончился низкой дверью. Фрейлина потянула за кольцо. Заперто. Она нахмурилась, озадаченная, и осторожно постучала. Выждала и постучала еще раз.

Нет ответа.

Мэгг прикусила губу, обернулась, глядя назад, в длинный, едва освещаемый коридор.

Нервничала. И не она одна.

Захира начала медленно считать про себя, думая о том, что неужели после стольких недель ожидания, после тщательного планирования, после того риска, которому подвергались фрейлины ради нее, все было зря? И человек, обещавший держать калитку открытой, подвел?

Какие варианты у нее есть? С бесцеремонным видом пройти через центральный вход, в конюшни, надеясь, что солдаты все еще робеют перед ней, матерью своего нового господина, который приказал заточить ее в башню? Что никто не осмелится остановить? Что там, на центральном крыльце, где над воротами висит дымчатый силуэт шаутта, он не схватит ее?

Замок противно заскрипел, так неожиданно громко, что все вздрогнули, и герцогине показалось, будто где-то вдалеке, там, где они проходили, шевельнулись и снова замерли тени. Но факелы не изменили цвет.

Просто разыгравшееся воображение, и только.

В детстве она слышала множество сказок о шауттах, представляла, как сталкивается с ними и побеждает каждого, словно легендарная Катрин Золотая Искра, лучший образец для подражания благородной девушке из Карифа. В реальности же… в реальности победить демона, если ты не таувин, почти невозможно.

Люди слишком жалкие существа, абсолютно неспособные выстоять против выходцев той стороны. Олово, дуб, козья кровь… Ты можешь его ранить, но он успеет оторвать тебе руки прежде, чем ощутит хотя бы малейший дискомфорт.

Захира боялась их. И ненавидела. Так же сильно, как и Вэйрэна. Его силу. Рукавичку. И… то, чем стал ее сын.

Его она тоже боялась и ненавидела ничуть не меньше.

Дверь мягко распахнулась, и человек, оказавшийся за ней, невзрачный толстячок в тусклом платье дворового слуги, поклонился.

– Ваша светлость. Леди. Простите за задержку. Все оказалось сложнее, чем я думал. Перед выходом сегодня стоят гвардейцы. Они едва меня не поймали. О нет! – Он отчаянно замахал пухлыми руками, когда Мэгг протянула ему расшитый жемчугом кошель, и сказал уже более твердо и решительно, перестав сутулиться, выпрямляясь: – Нет. Я помогаю не ради денег. Я верю в Шестерых, а не в эту мерзость. И служу да Монтагам.

Захира не знала того, кто согласился помочь. Никогда не видела раньше, а может, просто не замечала. Благородные отвернулись от нее. Гвардия в отсутствие Дэйта предала. А этот безымянный человечек, испуганный, но не лишенный чести – нет. Она стянула со среднего пальца тонкую золотую полоску, украшенную четырьмя некрупными бриллиантами, вложила слуге в руку. А когда он начал протестовать, ожгла его таким взглядом, что мужчина замолчал.

– Не оскорбляй свою герцогиню, добрый человек, – сказала ему Иорнада. – Это не плата, а знак благодарности.

Больше он не спорил, лишь шепнул в спины уходящим:

– Да хранят вас Шестеро.

Мэгг остановилась, повернулась к нему, обронив на прощанье:

– Уходи сегодня же. Сейчас. Завтра уже будет поздно.

Из подвала, через замаскированную дверь, они спустились еще ниже, в сердце каменного утеса, на котором уже тысячу лет встречал рассветы и провожал закаты герцогский замок.

Маленькие круглые фонари в руках беглянок выхватывали из мрака фрагменты извилистого узкого комплекса пещер, пробитого водой и совершенно не облагороженного человеком. Острые грани стен, дышащих холодом, мелкое серое крошево под ногами, ярко-зеленые «волосы» мха, свисающие с потолка, и… воду.

Она капала отовсюду, казалось, сами скалы плакали, провожая владелицу этих земель.

Захира использовала секрет, хранящийся в семье да Монтаг многие поколения на случай бегства. Путь, которым никто из правителей или их родственников ни разу не воспользовался. И вот она первая и… последняя.

Карифка вновь поймала себя на мысли: зачем она бежит? Куда? Ради чего, если все потеряно?

Ну… хотя бы потому, что ей сохранили жизнь. Значит, у Рукавички есть на нее планы, и надо сделать все, чтобы эта слепая сука осталась ни с чем.

Не далее чем в ста метрах от них ревел водопад. За каменной стеной, но все равно прекрасно слышимый, словно они стояли прямо над ним.

Мэгг поскользнулась, больно ударилась, до мяса разодрав ладонь левой руки, но удержала фонарь, не дав стеклу разбиться, а маслу вытечь и загореться. Шипя, затянула рану снятым с шеи шарфом.

– Простите мою неловкость, госпожа.

– Прощаю. Но надеюсь, что ты не разобьешь голову. Твоя голова мне еще потребуется.

И они отправились дальше все с той же осторожностью. Лестницей из семи десятков ступеней, где следовало идти друг за другом и молиться Шестерым, чтобы не упасть. Ибо падать было далеко и долго.

Они вышли под звездное небо через узкую щель в утесе, надежно прикрытую со стороны дороги кустарником. Тут же погасили два из трех фонарей, а в последнем фитиль прикрутили так, что огонек едва выживал.

– Сюда. – Мэгг отодвинула колючие ветки пораненной рукой, обернутой тканью.

Шаруд теперь был ближе к ним, мерцая синими огнями. Голодный, хищный, затаившийся мертвый зверь. Замок находился выше, сейчас скрываясь за отрогом. На фоне звезд был виден лишь граненый фрагмент шпиля правой башни Калав-им-тарка.

Ветер стих, как часто бывало в эти часы, холод, несмотря на весну, проникал сквозь одежду, а Захира прислушивалась, не раздастся ли сверху, со стороны замка, сигнал тревоги.

Но нет. Все тихо.

Темная фигура, появившаяся на границе зрения герцогини, заставила ту вздрогнуть, прежде чем она узнала Тарика по манере двигаться. Третий из нанятых мужем золотых карпов, ее земляк и телохранитель, поклонился, прижимая руку к сердцу, произнес на родном языке:

– Госпожа да Монтаг. Рад видеть вас в добром здравии после стольких дней.

Она тоже была рада его видеть. Мирко и Алессио мертвы, как и большинство из тех, кто оказался в Скалзе. Тарик же выжил, находясь подле нее, вернувшейся в Шаруд, пока муж отвоевывал перевалы у фихшейзцев. Чуть позже карифец уехал по ее поручению с письмом к герцогу да Монтагу, и дальнейшие события разлучили их.

Вернуться в замок золотой карп больше не смог. Да Захире это было и не нужно. К этому моменту у нее уже появились охранники иного рода, наблюдавшие за тем, чтобы вдова герцога не сбежала из-под опеки, не мешала сыну править, прославлять Вэйрэна и бороться с теми, кто упорствовал в своей вере в Шестерых.

– Мой друг, – сказала она ему на том же языке. – Ты не представляешь, как я счастлива, что мы встретились. Я до последнего часа боялась, что ты не придешь.

– Я дал клятву служить вашему мужу.

– Не сомневаюсь в твоей верности, Тарик. Я боялась лишь обстоятельств, что могли остановить даже тебя.

Золотой карп коснулся двумя пальцами рукоятки тяжелого кривого меча:

– Видят Шестеро, они пытались, но эти… обстоятельства в прошлом. Теперь мы поскачем, госпожа. На юг, через Еловый кряж.

– Так не будем мешкать.

Животные ждали недалеко от края ребристого обрыва, внизу лентой серебрилась река – Белая Гнедая, дочь Брюллендефоссена. Захира остановилась, сказав негромко:

– Лошадей всего две. Им будет тяжело везти четверых.

– Поэтому мы и не едем, ваша светлость, – сказала Мэгг после недолгого колебания. – Четверо всадников заметнее двух.

– Вы знали. – Захира едва сдерживала гнев.

Им хватило ума опустить глаза.

– Четверо заметнее. Да. Но и двое не ночная бабочка, которая пролетит неслышно. Так что перестаньте и скажите правду.

– Дело в том, ваша светлость, что мы не смогли договориться.

Захира была неприятно удивлена.

– Ты же говорила, что все устроено. Что нас пропустят через бастион Капель на Эшанданский тракт.

– Да, – признала Мэгг. – Все так и было до последнего дня. Но вчера они повысили цену за проход каждого человека, и хватило лишь на двоих.

Герцогиня хотела возмутиться. Хватило денег на двоих! Она отдала почти все, что было. Все драгоценности, кроме тех, что оставались на руках. Сотню марок! Ее фрейлины внесли не меньшую плату, отдав имеющееся, и этого безумного состояния хватает только на нее и Тарика?!

Ее страна скатилась в пропасть, а тысячи некогда нормальных людей сошли с ума. От страха, жадности, религиозного рвения, желания причинить кому-то боль. Незыблемые законы

Горного герцогства стерлись, а то и вовсе исчезли. Теперь многие и судьи, и палачи, и… преступники.

Она ощутила полное бессилие. Абсолютное. А вместе с бессилием в ней начала пробуждаться ярость, так свойственная ее предкам.

– Вы не вернетесь назад! С вас, тех, кому, в отличие от меня, оставили свободу, спросят за мой побег. И вы знаете, как спросят.

– Знаем, ваша светлость, – спокойно ответила Иорнада. – Но что это меняет? Вы должны покинуть Шаруд, добраться до Эшандана, родового города вашего мужа. Верные люди еще контролируют эту долину, старые замки не взяты. Там надежное убежище. Мы сделали то, что должно.

– Должно? – Захира чувствовала, как ее накрывает кровавая пелена ярости. Той ярости, что когда-то захватила ее деда, приказавшего вырезать сопротивлявшийся его воле Эль-Ас. Не на женщин, а на тех, кто разваливает страну. – Вы заплатите за мою свободу своей жизнью.

– Жизнь, когда за ней ничего нет, менее важна, чем слово, которое мы когда-то вам дали, моя госпожа. Жизнь скоротечна, а честь семьи – длится поколениями. Не хочу, чтобы племянники, их дети, внуки и правнуки плевались, слыша мое имя. Не хочу, чтобы честные люди Западных долин отворачивались, видя кого-то из потомков Думгала Пьющего.

– Я ценю вашу верность, – нетерпеливо сказала герцогиня. – Но… нет. Вы отправитесь с нами. Даже если Тарику придется вас связать и насильно усадить в седло. Поедем парами. Я рискну.

– Наши жизни не стоят вашей. – Мэгг взяла Иорнаду за руку, их пальцы переплелись. – Две лошади пойдут слишком медленно. Нас быстро догонят, вы не доберетесь до бастиона Капель даже к середине дня, в итоге пропадем не только мы, но и вы. Кроме того, четверо не пройдут.

– Пройдут. На мне еще достаточно драгоценностей, чтобы купить всех солдат, даже если они жадны, как Тион до любви Арилы. Хватит разговоров и споров. Тарик. Помоги им.

Карифец, все это время спокойно слушавший разговор, сделал шаг в их сторону.

– У вас все получится, ваша светлость, – с печальной улыбкой сказала Мэгг. – Должно получиться.

– Верность обязывает, – произнесла Иорнада и резко шагнула назад, увлекая следом за собой и подругу.

В пропасть. В белую бурлящую реку.

Они обогнули предместья Шаруда с запада, почти сразу же направившись к лугам, по старой дороге, мимо спящих ферм, лесопилок, овчарен и каменистых склонов, заросших густым ельником.

Места, несмотря на близость столицы, стали опасными. Шалили разбойники, коих здесь отродясь не бывало. Но путникам повезло, и до бастиона Капель, стоявшего на южном отроге Нейси, называемом Еловым кряжем, они добрались за час до рассвета.

Не самый популярный путь через три хребта, в плодородную долину Эшандана, давно потерявший свою актуальность после постройки нового тракта по приказу прадеда Кивела да Монтага и из-за оползня, сошедшего в дневном переходе от перевала. После – дорога стала непроходима для подвод и фургонов.

Бастион Капель – замшелая квадратная башня с участком зубчатой стены – потерял свое стратегическое значение с тех пор, как поток странников почти иссяк, и через высокие ворота, большинство дней открытые, проходили лишь пастухи, перегонявшие стада на луга. Охраны здесь тоже теперь было мало. Дозор тихий, спокойный, сонный и совершенно не прибыльный.

– Вы выдержите, ваша светлость? – негромко спросил Тарик, приблизив к ней коня.

Захира чуть склонила голову. Она выдержала гибель сыновей. Смерть мужа. Потерю власти и будущего. Выдержит и то, что произошло несколько часов назад.

Иного выбора все равно нет.

Ее лицо было скрыто шалью, на карифский манер. Одежду она сменила. На ту, что не подобает герцогине, но вполне подходит для жены богатого купца, потерявшего все из-за того, что случилось в стране, и теперь стремившегося поскорее ее покинуть вместе со своей добросердечной супругой. Ее платье, плащ, ботинки были грязными и пропылившимися, словно они ехали несколько дней, а не часов.

Ворота бастиона оказались распахнуты и ярко освещены – в металлических корзинах горело высокое пламя. Оранжевое, по счастью.

Они подъехали, сдерживая лошадей, и остановились в квадратном дворе с утрамбованной землей, где спали собаки и стояли перевернутые вверх дном бочки. Захира насчитала четверых воинов. Но через минуту из караулки появился еще один, а затем она заметила на стене движение. Там тоже кто-то был.

Герцогиня, чуть опустив глаза, рассматривала их. Одеты кто во что горазд. Почти нет кольчуг, один так и вовсе без оружия. Больше похожи на разбойников, которые не мылись неделями, чем на тех, кто сражался под знаменами ее мужа.

Тощий пожилой воин в шлеме, сдвинутом на затылок, осмотрел их внимательно и улыбнулся, сверкнув неожиданно белыми и ровными зубами.

– Почтенный господин Ульмар, мы уже решили, что вы передумали.

– Сержант Верд. – Тарик кивнул ему со всем дружелюбием. – Моя жена не привыкла ездить верхом, пришлось быть осторожными на ночной дороге.

Солдат с сочувствием покивал, и в это время к нему подошли еще двое. Один ел земляные орехи, даже не глядя на приехавших, ломал скорлупу грязными пальцами, закидывал в щель, открывавшуюся в бороде, другой почесывал большое родимое пятно на правой щеке.

– У вас не так уж и много вещей, – сказал тот, что с родинкой. – Тяжелые времена?

– У всех они такие, – промолвил Тарик. – Наше соглашение в силе?

– Вы платите остаток и уезжаете. – Сержант протянул руку, и карифец отстегнул от седла тяжелую сумку.

– Ого, – промолвил воин, едва ее не уронив. – Надеюсь, там марки, а не камни. Эгей, ребята. Проверьте-ка.

Воин бросил земляные орехи, оттащил сумку к огню, начал расстегивать кожаные ремни, а Родинка взял под уздцы лошадь Захиры.

– Разве у нас проблемы? – нахмурился Тарик.

– Нет. Но мы должны пересчитать каждую марку. Договор есть договор. Лучше вам спешиться, потребуется немного времени.

– Мы торопимся, хотим спуститься с перевала к рассвету.

– Дорога опасная и каменистая. Внизу будете только к середине дня. Нет смысла нестись.

Сержант повернулся к ним спиной, словно дело уже было решенное.

– Отпусти их, – произнес голос со стены.

– Лейтенант? – Сержант тут же вскинул голову.

– Туча, деньги на месте? – Вниз по лестнице спускался усатый воин в кольчуге и при мече.

– Очень много денег, командир, – сказал бородатый пожиратель орехов, не отрывавший завороженного взгляда от содержимого сумки. – Правда, считать не умею. Там все?

Бойцы посмотрели на Тарика.

– Там все, – твердо ответил тот. – Слишком многое поставлено, чтобы лгать из-за нескольких монет.

Послышался шум, и у Захиры внутри все похолодело.

Приближался конный отряд.

Лейтенант остро взглянул на Тарика:

– Слезайте с лошадей и не привлекайте внимания.

Они едва успели это сделать, а солдат – отвести лошадей подальше, за узкую, покосившуюся на один бок караулку, когда пятнадцать вооруженных всадников в белых плащах с вышитым на них водоворотом влетели во двор.

Захира не знала, что это за отряд, видела лишь, что не гвардейцы. У всех мечи, но кольчуги отсутствуют, не говоря уже о более тяжелых доспехах.

– Кто старший в гарнизоне? – спросил крепыш в высокой войлочной шляпе с длинным пестрым пером. – У меня приказ за подписью капитана.

Лейтенант молча протянул руку и взял у вновь прибывшего сложенный в несколько раз лист плотной бумаги.

– Свет, – буркнул он солдату. Поднесли фонарь, лейтенант пробежал глазами по строчкам, проверил печать. – Вы из «Снежных медведей»?

– Да. Мы усиливаем бастион, и вы переходите под мое командование.

– Я умею читать, – возвращая документ, сухо ответил лейтенант, имени которого Захира так и не узнала. – Что-то назревает?

– Все проходы к Эшандану должны быть закрыты на случай атаки мятежников.

Лейтенант с сомнением выпятил губу, рассматривая усиление. Было понятно, что, по его мнению, пятнадцать человек погоды не сделают.

– Ну… господин Такве, – сказал бывший командир гарнизона, стараясь не показывать, сколь он взбешен этим внезапным назначением неизвестного ему офицера. – Принимайте командование и располагайтесь.

Люди стали выбираться из седел, и тут коренастый заметил Захиру, сидевшую возле мшистой стены, и стоявшего с ней Тарика.

– Лейтенант, – сказал он, не скрывая ноток гнева. – Что здесь делают посторонние?

– Они не знали, что дорога закрыта.

– Откуда вы?

– Я Ульмар аш Нарди, уважаемый, – поклонился Тарик. – Торговец.

– Чем же ты торгуешь? – От Такве не укрылся кривой клинок, висевший на поясе карифца.

– Торговал, уважаемый. Моя лавка и склады с товаром сгорели во время беспорядков в Бозне, когда сторонники Шестерых дрались со почитателями Вэйрэна. Дело уничтожено. Теперь мы решили отправиться домой, обратно в Эльган.

– Печально слышать.

– Товар и деньги это всего лишь товар и деньги. Главное, что мы живы.

– Вы не проедете этой дорогой.

– Мы знаем. Добрый господин лейтенант позволил нам дождаться рассвета, чтобы отправиться обратно к Шаруду, а после искать иной путь к границам.

– Нельзя убежать от веры Темного Наездника, карифец.

Тарик чуть склонил голову, показывая, что не намеревается спорить:

– Возможно, добрый господин. Но мы бежим не от нее, а от войны.

– Война когда-нибудь закончится.

– Надеюсь на это.

– Твоя жена необычно молчалива. – Его глаза скользнули по Захире, прячущей лицо.

– Недостойно женщине говорить без позволения мужа, – ответила она. – Еще более недостойно прерывать его, когда он говорит все правильно.

Господин Такве чуть улыбнулся.

– Что же. Оставайтесь до рассвета. Я могу выделить вам в сопровождение двух человек, чтобы они довели вас до Шаруда. На дорогах сейчас много разбойников.

Тарик еще раз поклонился. Захира чуть прикусила губу, понимая, что этой дорогой им теперь не пройти.

Бородатый пожиратель орехов, держа матерчатую сумку за лямку, неспешно отступал к казарме. Он бы не привлек внимания, если бы сумка не зацепилась за торчащую из стены сарая ржавую полосу металла. Казавшаяся такой плотной ткань затрещала, а затем раздался звон.

В следующую секунду кто-то оторопело, а кто-то пораженно смотрел на то, как из дыры в сумке веселым узким звенящим ручейком текут на землю золотые марки и бледно посверкивающие в свете факелов драгоценные камни.

Первым опомнился лейтенант. Сделав широкий шаг за спину господина Такве, он широким щедрым движением вскрыл тому горло и взревел, призывая своих солдат:

– Руби!

Люди лейтенанта, несмотря на расхлябанный вид, оказались куда лучше подготовлены, чем белоплащники. Они словно ждали приказа и держали оружие наготове.

Прежде чем «гости» опомнились, их стало уже не пятнадцать, а одиннадцать. Но на их стороне все еще оставался серьезный перевес.

Полутемный двор взорвался криками и звоном металла. Воины сцепились друг с другом, в небо, чуть ли не к звездам, ударил черный фонтан, отлетела чья-то голова и покатилась под копыта коней.

Обезумевшие от шума, воплей и крови пятнадцать лошадей, которые, как оказалось, совсем не обучены для сражений, внесли в происходящее полнейший хаос. Нескольких человек они сбили с ног, одного неудачника затоптали так, что он теперь лежал, едва шевелясь. Затем большинство устремилось в распахнутые ворота, подальше от смертоубийства.

Захира не успевала следить за тем, что происходит. Перевес белых плащей наконец-то начал играть им на руку, и они стали теснить солдат лейтенанта к караулке.

Тарик не вмешивался. Он не собирался помогать ни той, ни другой стороне и просто встал чуть впереди герцогини, закрывая ее от возможной опасности, небрежно положив ладонь на рукоять меча. Стоял и равнодушно смотрел, как убивают друг друга.

Прошло не больше минуты с начала схватки, но Захира уже была уверена, что люди лейтенанта проиграют, их осталось четверо против восьми, когда со стены полетели редкие, но очень точные стрелы.

Как выяснилось, там все это время находился еще один солдат гарнизона.

Воин-белоплащник в оранжевом щегольском берете получил стрелу в щеку, она прошла навылет и вышла из шеи. Он упал под ноги товарищу, тот споткнулся, стал заваливаться вперед, отчаянно пытаясь сохранить равновесие, и мощный удар секиры снес ему половину черепа.

Следующая стрела вошла в плечо самому здоровому из «Снежных медведей», тому, кто убил двух солдат лейтенанта. Он повернулся, удивленно задрал голову и поймал еще одну в живот – но все равно остался на ногах.

Брошенный Тучей метательный топорик врезался здоровяку в подбородок, разрубая челюсть и зубы. Тот крутанулся, и третья стрела, в шею, наконец-то заставила его рухнуть на колени.

Прибывшие, теряя бойцов, начали отступать к воротам, затем побежали, но оставшиеся люди лейтенанта догнали их и добили. Последний полз, цепляясь пальцами за землю, подтягиваясь на руках из-за перебитой спины.

Сержант Верд, на левой руке которого теперь не хватало двух пальцев, несмотря на ранение, схватил ползущего за уже не такой белый плащ, дернул на себя и по рукоятку погрузил кинжал в бок противника.

Пожилой лучник в черной рубахе навыпуск и с растрепанными, тронутыми сединой волосами спустился вниз, присоединившись к трем товарищам, обходившим двор и отправлявшим на ту сторону тех, кто все еще дышал.

Последний солдат из подчиненных лейтенанта сидел у стены, прижимая руки к груди, и дышал неглубоко, со свистом. Рана не казалась опасной, но Захира подозревала, что уже через полчаса из охраны бастиона останется лишь четверо.

– Хрена ты так возился?! – зарычал на лучника сержант, перевязывая раненую руку обрывком чужого плаща.

– Молодец, Головешка, – сказал лейтенант. – Без тебя нас бы тут и закопали. Туча, ты криворукий полудурок. Чего уж проще – унести сумку. Ты бы ее еще ножом распорол перед герцогом.

– Прости, командир, – сказал бородатый, вытаскивая из кармана орех и ломая мягкую скорлупу дрожащими окровавленными пальцами. – Чего-то как-то не мой день.

– Это ты иди Веселому скажи. – Лейтенант мотнул головой в сторону раненного в легкое. – Могли бы помочь, почтенный Ульмар, чем стоять.

– Я торговец, а не воин. И моя задача защищать жену.

Лейтенант молчал, глядя на него, окровавленный меч в руке смотрел в землю.

– Хорошая задача, – наконец произнес он, сунул клинок в руку воина с родимым пятном, буркнув: – Оботри.

– Мы в расчете, уважаемый? – негромко поинтересовался карифец.

– Мое дело, конечно, маленькое. – Сержант задумчиво рассматривал намокающую кровью повязку на искалеченной руке.

– Давай уже, – поторопил его командир.

– Ну, как бы… Это… Мы тут испачкали немного. Может, уж испачкать до конца и забыть навсегда?

Повисла зловещая тишина. На тетиве у лучника как бы невзначай оказалась стрела. Лейтенант думал.

– Не стоит, – произнесла Захира, и все, кроме телохранителя, повернули головы в ее сторону. – Как тебя зовут, командир?

– Имеет ли это значение для тебя? – усмехнулся лейтенант, но все же произнес: – Иверэс.

– Вас пятеро, хотя, полагаю, скоро будет четверо. Для четверых то, что рассыпано на земле, это много. Очень много.

– Мы и без тебя это знаем, женщина, – осклабился сержант. – Как это решает нашу проблему?

– Нет проблемы. Отряд уничтожен, и скрыть это никак не получится. Через несколько часов найдут сбежавших лошадей, поэтому какую бы сказку вы ни придумали, вопросов зададут много. Вам надо уезжать. С этими деньгами можно начать новую жизнь. Наши смерти ничего не изменят.

– Резонно, – согласился Иверэс. – И все же одно дело, когда ищут солдат, а другое, когда солдат с деньгами. Если вас поймают раньше и вы заговорите… так что дай мне повод отпустить вас.

– Верность нашему договору? – Захира улыбнулась, увидев улыбку командира. – Да. Я знаю, что верность сейчас не в чести среди солдат Горного герцогства. Покажи им, Тарик.

Карифец неохотно закатал левый рукав, открывая татуировку в виде красного карпа.

Она произвела должный эффект.

– Четверо против одного, – мягко сказала Захира. – Но думаю, что он справится. И с лучником. Да, Тарик?

– Приложу все усилия.

Захира негромко рассмеялась, наконец встав на ноги.

– Я вижу, о чем ты думаешь, лейтенант Иверэс. Много ума не надо, чтобы сложить два и два. Ты знаешь, кого охранял карифец с татуировкой мастера меча, и теперь решаешь, как поступить.

– Отправить вас назад, – хриплым голосом ответил тот.

– Если Тарик позволит. Оставить нас вместе с ними? – Она кивнула на тела. – Если Тарик позволит. Но, случись такое, вас станут очень-очень хорошо искать. Вы уже будете не дезертирами и предателями. Убийцами матери правителя. Так что же нам остается?

– Проявить верность нашему договору, ваша светлость, – наконец сказал командир.

Виски ломило, и почти минуту Захира смотрела прямо перед собой, совершенно не понимая, где она находится и что видит.

Два перекрестья. Одно над другим, вращались слева направо. Нижний крест едва двигался, второй, все еще закрытый строительными лесами, крутился в три раза быстрее. Оба тянули за собой… мир? Небо? Потолок?

По потолку ползли холодные, колючие, злые на всех, незнакомые звезды. Но самым страшным был месяц. Остророгий, ярко-алый, словно бы умытый кровью. Казалось, он падает, летит прямо на Захиру и только благодаря перекрестным балкам-клеткам не может рухнуть и раздавить ее.

Через несколько секунд она не выдержала и отвела от него глаза, борясь с тошнотой. То ли из-за внезапно нахлынувшего головокружения, то ли из-за страха.

Села на одеяле, которое было брошено на пол, и осмотрелась. Комната вся состояла из острых граней. Камень словно расплавили, а после он застыл бритвами углов, шипов и торчащих во все стороны плоскостей, правильной симметричной геометрии которых позавидовали бы ученые Каренского университета.

Странно и совершенно… нечеловечески. Такое может придумать лишь безумец или… сон.

Она спит?

Хмурясь, Захира попыталась вернуться к последнему, что помнила.

Рассвет над еловой горной грядой, каменистая сыпучая тропа, на которой лошадей требовалось вести под уздцы, карканье воронья, их тени, скользящие в небе…

Что же произошло?..

Герцогиня вновь глянула на ползущий потолок, но летящий кровавый месяц не давал никаких ответов. Она встала, решив подойти к стрельчатому резному окну, чтобы увидеть, где она. Куда принес ее Тарик?

Шум, который звучал за стенами, не смущал, в Горном герцогстве много свирепых рек и мощных водопадов, но, встав возле окна, она так вцепилась руками в стену, что сорвала ноготь, даже не почувствовав боли.

Брюллендефоссен находился под ней, переваливаясь через край и ныряя в бездонную пропасть долины Шаруда. А прямо напротив высилась темная, зловещая, резавшая мир своими странными гранями башня – Калав-им-тарк.

И не возникало сомнения, где сейчас находится Захира. В другой башне, напротив. В той, куда когда-то пришел Тион, которая была разрушена и теперь восстановлена.

Разочарование. Вот что она ощутила сейчас. Понимала, что это не сон и все сделанное в последние месяцы оказалось зря. Ее все же нашли и поймали.

– А как ты думала? – раздался негромкий голос.

Герцогиня еще несколько мгновений смотрела в окно, где мрачная громада, высившаяся над водопадом, казалось, даже яркий день делала бледнее, затем обернулась. Рукавичка с волосами, убранными под платок, в черной повязке, закрывавшей глаза, сидела на ее лежанке.

– Выглядишь куда хуже, чем прежде, – наконец произнесла Захира. – Я рада.

Это действительно было так. Красота Рукавички увядала. Кожа на черепе натянулась так, что того и гляди ее проткнут скулы, появились пятна, губы шелушились, а волосы стали куда более редкими.

Она едва расслышала тихое шипение. Но голос гостьи остался таким же ровным и дружелюбным:

– Я осознавала последствия выбора. Это того стоило.

– Кем она была? – Герцогине очень хотелось подойти поближе и убить эту гадину, но женщине прекрасно было известно, что ничего не выйдет.

– Не понимаю, о чем ты.

– Та, что стала твоим вместилищем, шаутт.

Рукавичка не стала отрицать ее догадку.

– Тебе и вправду есть до нее дело?

– Нет, – призналась Захира. – Хотя ее немного жаль.

– Пожалела бы себя.

– О. Я уже прошла этот этап.

Смешок.

– Неплохо. Думал, ты вцепишься мне в глаза. Ах да. Их же пришлось вырезать. Ну, не важно.

– Что с моим слугой?

– Не интересуюсь мясом, если оно не нужно для пользы дела.

Он мог лгать. Или действительно не знать, если ее принес обратно кто-то из других шаутов. Захира мысленно попрощалась с телохранителем. Надеялась, что он ее не предал.

– Выходит, я нужна для пользы. – Герцогиня рассеянно потрогала большой палец, на котором все еще оставалось ее кольцо. – Зачем?

Шаутт мотнул головой в сторону выхода:

– Спроси сама.

Наконец-то ее спокойствие дало трещину, и черты исказились от боли. Эрего стоял у входа в зал, спокойно глядя на нее.

Он вырос за те месяцы, что она не видела его. Вытянулся и окреп, и меч на поясе уже не казался ему велик. Такое знакомое лицо, с течением времени все больше похожее на лицо ее мужа.

– Мать, – поприветствовал ее Эрего, чуть склонив голову.

Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы посмотреть ему в глаза. Холодные и совершенно чужие.

– Я не твоя мать, кем бы ты ни был.

– Можешь не верить, но мне жаль, – сказал тот, кто теперь был владетелем Горного герцогства.

– Твоя жалость никак мне не поможет, чужак. – Она отвернулась к окну, родной и в то же время незнакомый образ доставлял ей боль. – Выходит, предсказание для этой семьи оказалось верным. Один из да Монтагов всегда должен оставаться в Шаруде, иначе род потеряет право на власть. Когда пришла Рукавичка, мы нарушили правило. Столицу покинули и муж, и сын. Вот результат. Никого не осталось. Лишь чудовище с той стороны.

– Ты просто хочешь верить в пророчества, – произнес незнакомец. – И я не чудовище.

– Ну тогда посмотри в окно. Пройдись по столице. Отправься на восток или запад. Загляни на юг, где ты ведешь войну. Послушай, что говорят на севере. Тысячи уже погибли, и десятки тысяч даже не знают о том, что их ждет смерть в ближайшее время. Так поступают чудовища.

– Так поступают люди, – последовал спокойный ответ. – Войны были и до меня. И гибли десятки тысяч. Даже сотни. И все пролили много крови: некроманты, таувины, короли, доб-

лестные воины, изменники, мерзавцы, герои и прекрасные девы. Этими смертями можно выложить лестницу в небо и подняться так высоко, что уже и забудешь, как выглядел наш мир. А уж если мы с тобой вспомним волшебников. Впрочем… хочешь считать меня чудовищем, считай.

– Зачем все это?

Рукавичка негромко хмыкнула за спиной, но Эрего ответил. Захира слышала, что он подошел близко, так, что, если обернуться, можно коснуться его щеки.

– Ни одно поле не может быть плодородным вечно. Время пшеницы проходит, и начинают расти лишь сорняки. Из года в год. Из века в век. Тысячелетие за тысячелетием. Они все больше, все выше, все опаснее, и их яд проникает в саму ткань бытия.

– Опаснее для тебя? Или демонов?

– Для мира, – мягко ответили ей. – И, чтобы избавиться от сорняков, поле следует поджечь, а после, когда пожар стихнет и оно остынет, вспахать, удобрить, засеять, полить и ждать всходов.

– Пшеница выйдет со вкусом крови.

– У нее всегда вкус крови. Просто мы не желаем его ощущать.

– Уничтожить память о прошлом, чтобы создать новое будущее, – усмехнулась Захира. – Мой дед говорил то же самое. Уничтожить Дагевар, чтобы Кариф стал более велик. У него не получилось, не получится и у тебя.

– У меня не получалось, – согласился Эрего. – Не раз. И не два. Может, не выйдет и теперь. Неудача – это лишь способ оценить свои ошибки и сделать чуть по-другому. Но сейчас все сложится как надо.

– Кто ты?

Ее вопрос, казалось, удивил его.

– Я? Осколок. Фрагмент. Который пытается обновить поле и дать всем то, что утрачено.

– А эти твари?

– Они мой огонь. Знаешь, что здесь было «до»?

– До чего? – Ей не хотелось продолжать разговор.

– До всего. До замка твоего мужа. До Катаклизма. До Калав-им-тарка. До того как бледные равнины Даула скрылись в море. Изначально. Именно здесь, на этом самом месте, Шестеро открыли дорогу на ту сторону. Здесь все когда-то началось, здесь все и закончится.

– Мне все равно, незнакомец. Для меня все давно уже закончилось. Зачем я тебе?

– Посмотри на меня. Посмотри! – Теперь в голосе звучал приказ, и она подчинилась против своей воли. И ей не понравилось, сколь легко и просто это произошло. – Ты напишешь брату, моему любезному дяде, письмо.

Ее поразила эта просьба, но она нашла в себе силы устало покачать головой:

– Нет.

– Я не прошу. Ты напишешь.

– Нет. Не напишу. И ты не сможешь меня убедить. Или заставить.

– Я могу написать и за тебя, – пригрозила Рукавичка и замолчала, стоило лишь Эрего раздраженно дернуть плечом.

– Напишешь и сообщишь, что соскучилась по родине и желаешь приехать.

– И что потом? Привести во дворец еще одного шаутта? – горько поинтересовалась Захира.

– Принести слово Вэйрэна и сражаться с демонами, разумеется. Как мать истинного асторэ, ты способна на это.

Она ощутила в словах незнакомца улыбку.

– Полагаю, шауттами и победами над ними я буду обеспечена. Во славу Вэйрэна. – Эти слова герцогиня произнесла с ненавистью, но ответ последовал спокойный и чуть насмешливый:

– Без сомнения.

– Ты болен, тварь, если считаешь, что я соглашусь стать твоей очередной проповедницей. Я не принесу на свою родину семя смерти. Найди кого-нибудь другого.

– У другого нет крови Стилета Пустыни. За ним не пойдут.

– Прекрасно. Значит, люди не станут убивать друг друга, превращаться в тварей, и синий огонь не захватит оазисы и караванные пути.

– А еще ты посетишь коллекцию, которую твоя семья собирает много лет. Ту, куда мало кого пускают, если в нем не течет ваша… хм… наша славная кровь.

– Отправь туда шаутта. Мне все равно.

– Я отправляю тебя, ибо не все подвластно лунным людям. Ты найдешь среди вещей старый большой желудь и заберешь его. Отдашь человеку, который придет в нужное время.

– И снова нет.

– Ты спешишь отказаться, не зная, какую плату я тебе предлагаю.

Она наконец-то посмотрела на него, со смесью презрения и ненависти:

– У тебя нет ничего, что заставит меня передумать.

– И даже твой сын? Когда поле будет выжжено и прополото, мне не понадобится больше быть здесь. Я отдам его тебе.

Из ее глаз текли злые слезы.

– Отдашь мне мою кровь? Мою плоть? Последнего из да Монтагов? В обмен на целую страну, которую моя же кровь, мои же предки поднимали из песков Катаклизма. Руками, ломая ногти, рыли оазисы. Строили государство. Ты вправду считаешь, что один человек, даже если это мой сын, достоин такой жертвы? Потери Карифа? Темной веры и темных лет? – Она наклонилась ближе, к знакомому чужому лицу, и ее голос теперь едва шептал, но ни от кого не скрылась угроза: – Ты правда считаешь, что из-за жалкой подачки, обещания, которое ты не выполнишь, я принесу мрак на родину? После того, что шаутты сделали тут, тварь? Я потомок Халита Аль-Даби, Второго клинка Гвинта. Мой дед Стилет Пустыни. Я не заключаю сделок с демонами. Моя верность Карифу сильнее моей верности даже сыну.

Эрего усмехнулся. Было понятно, что время переговоров закончилось:

– Я заставлю тебя. Так или иначе.

Она провернула кольцо на большом пальце левой руки, и раздался щелчок.

Эрего отшатнулся, Рукавичка совершенно не по-человечески вскочила на ноги, но не успела помешать Захире да Монтаг.

Маленький плоский клинок, величиной с ноготь, выбросила из кольца пружина, и женщина провела им себе по горлу.

Быстро и решительно.

Рукавичка подскочила, хрустнула кость в сломанной руке. Захира, чувствуя, как горячее течет у нее по шее, хотела плюнуть в ненавистное слепое лицо, но подавилась кровью, захлебнулась и, чувствуя слабость в ногах, осторожно села прямо на пол.

Больше она не смотрела на них. Лишь на крутящиеся над головой балки и кроваво-алый месяц, который ее теперь не пугал.

– Нашему соглашению уже много лет. – Эрего смотрел на мертвую женщину с бледным спокойным лицом.

– Все так. – Ноздри Рукавички трепетали от тяжелого запаха крови, разлившегося по всему помещению.

– Ты мог ее остановить.

– Такое в соглашение не входит. Я не обязан спасать каждого, кто хочет отправиться на ту сторону. Смерть ей была дороже. Не желал отнимать у госпожи столь сладкую вещь… и лишать себя завтрака.

– Это тело меняет тебя. Ты становишься другим.

– Больным. Оболочка недотаувина хуже ядовитой рубашки.

– Ты сам выбрал.

– Чтобы у тебя была эта, – плотоядно усмехнулась Рукавичка. – И как тебе? Лучше старика или асторэ?

Вопрос был проигнорирован.

– Найди того, кто отправится в Эльват и разберется с желудем. И… твои братья допускают ошибки.

– Мы не всесильны.

– Девчонку унесли.

– И ладно. Мы знаем, где она. Пусть. Когда потребуется, вернем. Зато лес эйвов уничтожен, как и было задумано.

– Желудь…

– Дался тебе этот пережиток прошлого.

– В Пубире вас постигла неудача. И один волшебник жив, его клинок опасен для тебя. А значит, и меня. Вы не нашли его до сих пор.

– Мы ищем.

– Как и таувина из Пубира? – Усмешка. – Поле не выжжено. Таувин и волшебник все меняют. Ищите лучше.

– А то поле не даст новые всходы. Я помню.

– Помни. – Эрего посмотрел на тело Захиры да Монтаг. – Ты не тронешь ее плоть.

Рукавичка хмыкнула:

– Ничто человеческое тебе не чуждо. Хорошо. Найду кого-нибудь другого. Вам пора на юг, ваша светлость. Война не станет ждать.

Глава вторая
Голоса

Скольких мы потеряли? Скольких?

Наверное, каждого из тех, кого недосчитались, мог бы перечислить лишь Мальт.

Но наш друг, наш брат, наш глава, тот, за кем мы шли, у кого учились, тоже остался там. На выжженном окровавленном поле, защищая свою сестру, отдавший за нее жизнь.

Я скорблю о нем. О каждом, кто не вернулся и исчез под пришедшей волной. Скорблю о пустых залах нашего ордена. Скорблю о том, что рыцари больше не поднимут мечи.

Меня утешает лишь, что мы и дальше вместе. Неизменно едины. Даже если их нет, но они есть. Со мной. С теми, кто придет после. И после. И после. Пока существует мир.

Мы будем всегда поддерживать наших братьев, пускай они и рождены в другую эпоху.

Потому что так решил Мальт.

Из письма, найденного на надгробии таувина, пережившего Битву на бледных равнинах Даула

После скоротечного дождя сотни легендарных башен Рионы казались умытыми и обновленными. Словно выточенными из хрупкого хрусталя. В солнечных лучах их грани ярко сияли, впитывая начало дня, в то время как внизу, в городе, в сиреневых садах и величественных парках все еще оставался бледный призрак медового утреннего тумана. Он неспешно просачивался между деревьев на узкие улочки района Погребальных Слов и полз по нему в объятия моря, ослабевшего после отлива.

Радуга крутым мостом перекинулась над столицей Треттини, но даже ее чистые, яркие цвета не могли затмить грандиозные постройки прошлой эпохи.

Остроиглыми шпилями башни грозили небу, вытягиваясь в струнку, словно солдаты на параде, возвышаясь над многоликим городом, который обожали легендарные герои прошлого. И таувины, и конечно же волшебники. В том числе Лавьенда, Войс и Тион. До сих пор три из четырех центральных районов носили их имена, и там находились самые высокие башни, относящиеся к герцогскому дворцу Каскадов, который во времена Единого королевства был резиденцией рыцарей-таувинов.

Воины давно сгинули, а постройка пережила все перипетии истории, Войну Гнева, Катаклизм, ничуть не растеряв прекрасного очарования.

Впрочем, не только центр Рионы сохранил свои башни, но и районы Соловьев, Пьяниц, Фехтовальщиц, Медовых Снов, Последних Песен, Свирелей, Пепельной Кучи, Фонтанов, Пьяных Садов, Соли, Мостов, Сгоревших Листьев, Погребальных Слов, Ниток, Трещоток, Клинков, Стилетов, Удавки, Сладкого Шепота.

В той части города, где жил Вир, называемой Пепельной Кучей, выраставшие из старых парков, крепостных стен и жилых кварталов башни были приметных и необычных расцветок: амарантовая, шафрановая, маджентовая, кобальтовая, лиловая, индиговая и аквамариновая.

Лиловая – единственная из тех, что пустовала, высилась в сердце неухоженного, умирающего грушевого сада, столь дикого и непролазного, что никогда не знаешь, что или кого найдешь в его уголках на следующий день – влюбленную парочку, пьянчугу или шаутта.

– Дурное место, – сказал парню старый Нунцио, когда Вир принес ему жаренных в масле маленьких осьминогов, таких красных от острого соланского соуса, что на них больно было

смотреть, не говоря уже о том, чтобы есть, любому нормальному человеку. – Не шастал бы ты там.

– Что с ней не так? Во всех остальных живут люди. Эта же – я не встретил ни одного человека в округе.

– Потому что ты глупый чужак. – У Нунцио от морских гадов градом катились слезы, но он даже не морщился. – Но-но! Не тяни лапы к моему обеду! Ты кормишь – я рассказываю о происходящем в Рионе. Таков уговор между хозяином конуры и тем, кто за нее платит. Раньше Лиловая принадлежала роду де Тельви, но род взял и кончился. Не перебивай! Кончился потому, что с десяток влиятельных семей моего прекрасного города, да хранят его Шестеро, решили устроить заговор против прошлого герцога.

– Судя по тому, что де Тельви больше нет, заговор не удался.

– А ты умный парень, хоть и не треттинец, – погрозил пальцем Нунцио. – Заговор почти удался, если уж честно. Герцога они убили, среднего сына тоже. И трех дочерей. Но младший сын, его милость герцог Анселмо, разогнал всю свору. Не пощадил никого, утопил площадь Роз в крови, казнил всех в родах смутьянов, даже дальние семьи, без жалости срезав самые слабые ветви, не желая прорастания сорняков.

– Почему же башню не заняли другие? Сторонники герцога, например?

Нунцио хотел вытереть слезы, но на пальцах остались частички соуса, который попал в глаза, и несколько минут раздавались вопли, проклятья и просьбы принести воды. Затем как ни в чем не бывало тощий старик с острыми коленками вновь начал жевать дармовой обед.

– Откуда я знаю? Ну, расстроен был наш нынешний герцог после смерти семьи. Сперва старший брат отправился на ту сторону, а через годик, вот, заговор – и никого из близких, кроме матушки, не осталось. Испытывал он по этому поводу не самые приятные чувства. Мы – треттинцы, парень. Если уж мстим, то так, что земля горит. Вот и с Лиловой башней подобное случилось. Он приказал засыпать землю вокруг нее солью и прахом тех, кто предал его. А двери залить свинцом. Еще говорят, его матушка прокляла там каждую пылинку. А в моей стране верят в силу проклятий. Не ходил бы ты туда. Болтают, там видели шаутта.

В лунных людей ученик Нэ не верил, а башня слишком сильно терзала его любопытство, чтобы он не пошел к ней. К тому же парень искал тихое место – звонить в колокольчик, как наставляла его Нэ. В комнатушке, которую он снимал, или на ближайших улицах звон привлекал бы к себе слишком пристальное внимание. Странный приметный чужак, да еще и сумасшедший.

Нунцио оказался прав. Земля вокруг строения до сих пор оставалась белой от соли, а двери залиты свинцом. Нижние окна располагались на высоте двенадцати ярдов, но Вир принял вызов и забрался туда, сперва по деревьям, а после перепрыгнув на стену.

Ловкость и высокий рост помогли ему достичь цели.

Как выяснилось, Вир далеко не первый, кто побывал здесь после того, как хозяев лишили собственности.

Город есть город, и в нем всегда найдутся те, кто не боится суеверий, но нуждается в крыше над головой в тяжелый жизненный период. Бездомные, беглецы, странники и преступники. На полу остались следы костров, а на потолке мазки копоти. В одном из залов Вир обнаружил солому, которую использовали в качестве лежанки. На стенах несколько надписей, в большинстве своем безграмотных, и множество неприличных картинок, сделанных углем.

Но люди тут являлись всего лишь гостями. Настоящими хозяевами были птицы – полы, лестницы и комнаты оказались изгажены слоями помета разной степени давности, многочисленными перьями да редкими трупиками и скелетиками голубей, умерших от старости или болезней.

Запах стоял соответствующий, под потолком метались потревоженные тени. Они били крыльями, кидались в лицо в узких проходах, встревоженно шуршали в гнездах.

Вир выбрался на широкий ребристый карниз через стрельчатое окно с уцелевшим витражным стеклом и рассмеялся. Словно попал в иной мир после птичьего смрада.

Его восхитил открывшийся вид. Вся Риона лежала словно на ладони: извилистые улицы, охряные и бирюзовые здания с витыми воздушными колоннами и тяжелыми, выкрашенными под бронзу куполами; восемь крутых петель полноводной после зимы Пьины, впадающей в серое, блеклое море; восемнадцать серебряных мостов, перекинутых через реку и связывающих между собой две половинки старого города – низинную, ту, что у моря, и холмистую, с бесконечными парками, башнями и дворцами вельмож.

Колокольчик на такой высоте звенел особенно – звонко и легко. Невесомо. Звук ловко подхватывал даже самый слабый ветерок и швырял его в небо, как мальчишка кидает вверх осенние листья.

Вир поступал по заветам Нэ – звонил и надеялся, что это принесет свои плоды, хотя и не понимал, какой результат должен быть. Как подружиться с татуировкой на собственной спине? С рисунком, который лишен всякого намека на жизнь?

Что он получит, когда подружится?

Станет сойкой? От подобной мысли Вир поежился, потому что знал, что бы случилось, если бы старуха услышала нечто подобное. Она бы взгрела его. Крепко отдубасила по спине и плечам палкой, чтобы «выбить дурь, засевшую в пустой бычьей голове».

День за днем, неделя за неделей он приходил на карниз над Рионой и звенел. Ученик желал порадовать наставницу, доказать, что достоин ее внимания, что она не ошиблась в нем и не будет разочарована. И даже во сне его часто преследовал странный голос Нэ:

– Звони в колокольчик, мальчик! Не ленись, Бычья голова! Нельзя познать дружбу, ничего не делая ради нее!

И он продолжал. Упорно. Ежедневно. И наконец в этом звоне расслышал тихий, едва уловимый мелодичный смех. Его рука замерла, когда Вир вслушивался в ветер, что невидимым драконом выкручивал спирали возле шпиля старой башни.

Уж не показалось ли ему?

В тот день не было больше никакого смеха, хотя парень просидел на карнизе до поздней ночи, пока Риона под ним расцветала огнями.

Через неделю он вновь услышал смех, и тот не был наваждением. Затем зазвучали и слова. Негромкий ухом шепот на странном, древнем, абсолютно невнятном языке.

– Я не понимаю! – не выдержал ученик Нэ.

Смех. Слова. Фразы.

Он вслушивался в них, повторял про себя, затем стал проговаривать вслух, постоянно ошибаясь в ударениях и паузах, что вызывало лишь очередное веселье неизвестного.

Вир терял скорость течения времени. Иногда ему казалось, что он провел на карнизе годы, но солнце даже не успело коснуться горизонта. Порой – секунды, но над морем уже начинался рассвет нового дня.

Понимание речи пришло само, и парень даже не осознал этого. Не понял, что научился старому наречию, языку прошлой эпохи, на котором когда-то говорили великие волшебники, короли и таувины.

С каждым разом голос становился все отчетливее, а после начал двоиться, троиться, меняться и… внезапно оказалось, что вокруг совершенно разные… некто.

Это походило на сумасшествие. На безумие чистой воды, прорывающееся к нему через звон колокольчика. Другой бы бросил, опасаясь чокнуться от этой многоголосицы, но Вир лишь старательнее вслушивался.

Они никогда не ждали от него слов, не спрашивали и не просили. Рассказывали. О том, что было. О великих днях и битвах. О правилах и чести. О поступках, за которые стыдно. О страхе, что их посещал. И о смелости, которая в них жила. Про оружие, про сотни способов

убить шаутта и тысячи возможностей уйти на дороги других миров. Старые легенды, о которых Вир не слышал или знал об этих сказках лишь вскользь, оживали перед его глазами.

Через некоторое время он запомнил своих рассказчиков по именам. Не всех, но многих из них.

Вил, Дерек, Джев, Катрин, Оглен, Эоген, Гром, Эветт, Юзель, Шилна, Эовин.

Имена у них были слишком известные, чтобы не понять, кто это. Таувины разных эпох и разных веков. Жившие в разное время, видевшие самые значимые события мира. Сражавшиеся плечом к плечу с Шестерыми или Тионом. Возводившие на трон единых королей, свергавшие их, сражавшиеся с шауттами, преклонившие перед ними колени, павшие в битвах и исчезнувшие на тропах мира Трех Солнц и Двадцати Лун.

Их голоса теперь были вместе с Виром.

Молодые и старые, мужские и женские, глухие, звонкие, низкие, шепчущие, веселые, грустные, громогласные и слабые, едва слышимые. Множество незнакомых акцентов звенели безумным эхом. В особенности когда говорили одновременно, о совершенно разном, перебивая друг друга.

– Вы сводите меня с ума! – однажды крикнул Вир, ощущая сильное головокружение и прижимаясь спиной к ребристому лиловому камню, впервые испугавшись, что при резком движении он полетит вниз, на далекие ветви старых деревьев.

Но ответом ему был легкий смех, который, словно прибой, объял его и мягко толкнул в грудь, назад, как можно дальше от края.

В тот раз Вир, вернувшись домой, плохо спал. Левую лопатку терзали жвалы маленьких невидимых насекомых. Он крутился на мокрой простыне, страдая от внезапной жажды, ощущая, как под кожу кто-то запускает омерзительно холодные пальцы. Под утро, с трудом разлепив веки, которые словно склеились друг с другом, он увидел, что серая простыня пропиталась темными пятнами крови, и, тихо ругаясь, шагая осторожно, так как его качало из стороны в сторону, а еще и бросало то в жар, то в холод, добрался до окна.

По спине пробегали горячие волны боли, его мутило, и Вир, не удержавшись, сперва сел на корточки, опасаясь упасть, а после и вовсе лег на грязные доски. Он еще помнил кружащийся потолок и звон колокольчика в ушах, а потом уже не помнил ничего.

Очнулся Вир в какой-то подворотне, в скользкой грязевой жиже, смердящей мочой и тухлятиной, среди юрких крыс, оставивших на его руках несколько неприятных саднящих укусов. Гнилые влажные тряпки и палки, утыканные ржавыми гвоздями, тонули в этом месиве вместе с рыбьими потрохами да почти разложившимся трупом собаки, что желтым оскалом приветствовала чужака.

Не испытывая никакого отвращения к обстановке (после трущоб Пубира, где Вир провел большую часть сознательной жизни, его сложно было смутить подобным), он просидел в грязи еще минуту, сильно хмурясь, пытаясь понять, как здесь оказался.

Не сумел.

Встал, морщась из-за того, что всю левую сторону спины словно палками отбили. Больно было так, что не вдохнуть в полную силу, да и руку выше головы поднять можно лишь с большим с трудом.

– Хм… – произнес Вир, осознав, что он совершенно голый и его единственная одежда – это грязь подворотни.

Вариантов было немного: либо он сам ее снял (что маловероятно), либо ему помогли от нее избавиться (что в подобном районе очень даже возможно).

Стараясь не поскользнуться на жирной жиже, он пробрался вдоль узкой щели между двух накренившихся друг к другу домов, сколоченных из грубых досок, которые щерились крупными занозами. Кроме боли в спине и саднящих после укусов руках еще не хватало зацепить

плечами или бедрами этих деревянных «ежей» – замучаешься потом вытаскивать из себя острые иголки.

Остановившись возле самого выхода, Вир осмотрел серый пустырь с сожженной сухой травой, заваленный мусором и тиной песчаный берег, свинцовую поверхность вальяжно текущей Пьины. Слева, далеко, за трущобами, начинались городские стены, справа, гораздо ближе, – рыбацкая деревня и склады порта. Значит, самая окраина Пепельной Кучи. Далековато его занесло. Почитай, двадцать кварталов от дома, в котором он снимал комнату.

Вир всегда воспринимал случавшиеся с ним неприятности со стоическим спокойствием Шестерых, поэтому и сейчас даже не выругался. Направился к воде, чувствуя босыми ступнями едва сохранившееся тепло от пепла сгоревшей травы. Шагах в сорока от него начиналась пристань, там несколько женщин стирали белье и развешивали его на палках, прямо на ветру, несущем из порта дым костра, пахнущий дегтем. Далеко на реке качалось несколько утлых лодчонок тех, кто добывал себе пропитание с помощью сетей.

Женщины заметили Вира, отвлеклись от стирки на мгновение, оценили, насколько опасен странный чужак, и вновь принялись заниматься своим делом. Голыми людьми, а также сумасшедшими, покойниками и любителями мутской пыльцы жителей Пепельной Кучи не удивить.

Ноги по щиколотки погрузились в мягкий ил, он зашел в реку по колено, начал мыться, отмечая, что вода теплая. Счищал с кожи вонючую грязь, основательно и в то же время осторожно. Несколько раз окунулся, методично пытаясь прокрутить в сознании, что с ним случилось.

Пусто.

Выбираясь обратно на берег чистым и просто обновленным, он увидел немолодую третттинку, наблюдавшую за ним. Она держала в руках большую плетеную корзину с выстиранным бельем, упирая ее в бедро, смотрела на Вира спокойно и оценивающе. Чернявая, смуглая, со светло-зелеными глазами, усталым лицом, в желтом платке, закрученном на голове на моряцкий манер.

– Неплохая задница, чужестранец, – оценила она. – Ты легко отделался, раз все еще дышишь.

– Видела, кто это сделал? – Вир ничуть не стеснялся своей наготы.

Та рассмеялась молодо и необыкновенно мелодично.

– У нас никто ничего не видит. Так безопаснее. Но раз ты в чем мать родила, то всяко тебя ограбили. Ты не похож на тронутого.

– Поделишься одеждой? – Он остановился в пяти шагах от нее. – Если я пойду в таком виде до дома, это может кому-то не понравиться.

– Такой высоченный парень, с таким необычным цветом волос и кому-то не понравится? Полно скромничать. Даже стража будет в восторге. – Она еще раз улыбнулась и стала серьезной. – Если бы я помогала каждому обездоленному, то сама бы прогуливалась по берегу голышом да просила подаяние. Ничем не могу помочь. Поройся в мусоре, может быть, Шестеро принесут тебе удачу.

Она отвернулась и побрела к домам.

– Эй! – окликнул ее Вир. – Твоя корзина тяжела. Я помогу ее донести. Как тебе такая плата?

– За штаны, которые стоят несколько медяков? Это Риона, сиор. Сердобольные здесь не выживают.

Она ушла, и Вир сказал тихо:

– Третттинцы не так уж и дружелюбны, как говорят о них в песнях.

Покопавшись в мусоре, он подобрал три драные, воняющие дымом серо-коричневые тряпки, из которых соорудил набедренную повязку. Через пару кварталов, застроенных низ-

кими рыбацкими домишками, ему повезло – в сточной канаве валялся пьянчуга, до которого еще не добрались местные хищные рыбы. Вир разжился штанами (слишком короткими для него, да к тому же едва сходящимися на талии) и порванным плащом, который укрыл плечи.

Никаких угрызений совести он не испытывал. Портовые районы – дурное место, к тому же у выпивохи при себе осталась рубашка и подштанники. Куда лучший вариант, чем у Вира этим утром.

До владений Нунцио – двухэтажного замшелого дома, где в торце ютилась скобяная лавка с ржавым металлом и бесконечными ящиками гвоздей, которыми уже пользовались не раз и не два, – он добрался через час после того, как нашел себе одежду.

Ключа от комнаты у Вира теперь не было, так что пришлось беспокоить Нунцио. Тот сидел за квадратным столом во внутреннем дворе, под платанами, передвигая круглые фишки по черно-белой доске. Против него в «Пехотный строй» играл Рети – высокий, жилистый, с бритым черепом, – промышлявший темными делами у портовых складов. А у дерева сидел грузный Ликка, пятидесятилетний боров таких необъятных габаритов, что он больше походил на раздутый бурдюк, чем на человека. Вир с трудом представлял, как ноги Ликки выдерживают вес этого огромного тела, какой крепости требуется кровать, чтобы не сломаться под такой тушей, и сколько нужно ежедневно жрать, чтобы не сдохнуть от голода.

Нунцио, увидев Вира, прищурился и сказал:

– Так ты жив-здоров, значит?

Рети посмотрел мрачно. Ликка – сонно, едва повернув огромную голову.

– А должен быть мертв и болен?

Старик сердито махнул рукой:

– Ну, так я и подумал, когда ты пропал и задолжал оплату за две недели. Нашли тебя на полу, и был ты чуть краше дохлого червяка. Так что мое удивление вполне оправданно.

– И ты решил избавиться от больного, – мрачнея, произнес Вир.

– От безнадежного больного. – Нунцио и не собирался отрицать сделанное. – Когда кто-то умирает в твоем доме, потом с большим трудом можно найти желающих снять комнату. И я не Мири, чтобы лечить или хоронить тебя.

– Поэтому просто выбросил меня в трущобах.

Старик равнодушно пожал плечами и передвинул одного из пехотинцев вперед:

– Риона жестока ко всем.

– Рионе бы поучиться у Пубира, как быть человеком.

– Пубир та еще выгребная яма, – вмешался в разговор Рети. – Одни преступники, да шлюхи. Но на преступника ты не очень-то похож, малыш.

Вир никогда не реагировал агрессией на оскорбления. Он не был вспыльчивым, и его не обижали фразы чужаков. Пропустил он и это, чем заработал издевательскую усмешку, которая также его не тронула.

– Надо полагать, комната уже занята другим?

– И вновь я вынужден отметить, что ты умный парень. Уверен, тебе повезет в другом месте, но не здесь. Я не терплю тех, кто задерживает оплату и не приносит мне мой обед.

– А мои вещи?

– Взял их в счет долга. Но, по правде, с твоего барахла не получить и рен-марки.

– Взял, значит? – Глаза Вира потемнели. – Довольно невежливо, сиор. Придется вернуть.

– Или что? – Рети, словно только того и ждал, вышел из-за стола, сунув большие пальцы за пояс, на котором висел широкий нож с деревянной ручкой. Рост Вира его совсем не смущал. – Ты с виду-то крепкий, шлюшка из Пубира, но молоко на губах…

– Перестань, – попросил Нунцио, который даже не поднял голову от доски, обдумывая следующий ход. – Чужак неплохой парень, просто ему не повезло. Со всеми бывает. Гуляй,

Вир. То, что у тебя было, не стоит даже маленькой стычки, не говоря уже о драке с Рети. Он вышвырнет тебя на улицу, а Ликка поможет.

Огромный Ликка протяжно и равнодушно зевнул, точно сытый лев, демонстрируя всем желающим ширину своей пасти и прорехи в частоколе зубов.

В голове Вира тихий голос Катрин внезапно шепнул:

– *Давай наконец посмотрим, на что ты способен, маленький спокойный светлячок.*

– *Пришло время*, – поддержал ее низкий голос Эветта.

А Шилна просто рассмеялась самодовольно и предвкушающе.

Вир же опешил от того, что слышит их без всякого колокольчика. И это замешательство отразилось у него на лице, что Рети расценил как слабость и оскалился еще шире.

– Проваливай, – махнул он на Вира, точно на надоедливую муху.

Ученик Нэ расстегнул верхнюю пуговицу рваного плаща, сбрасывая его с плеч, сказав Нунцио:

– Мне мое барахло дорого. Лучше бы ты его вернул.

– Ну, значит, ты не так уж и умен, как я думал.

Ликка протяжно вздохнул, словно поднявшийся из глубины кит, пошевелился, что, кажется, означало попытку встать, но жилистый Рети негромко рыкнул ему:

– Сам!

Он быстро и очень проворно прыгнул, сокращая дистанцию, и ударил кулаком со сбитыми костяшками, метя Виру в челюсть.

Тот дрался на улицах Пубира не раз и не два, знал, как действовать, но сейчас совершил нечто, удивившее даже его.

Сперва кто-то огрел его палкой по левой лопатке. Не больно, но довольно ощутимо. Он подумал о Нэ, желавшей, чтобы ученик хорошенько усвоил урок. Успел обернуться, пока рука Рети летела к нему. Сзади, как ни странно, никого не оказалось, и Вир направил все свое внимание на противника. Кулак за это время успел преодолеть расстояние не больше дюйма и двигался непередаваемо медленно.

Вир хотел отойти в сторону, но вместо этого, словно следуя чужой подсказке, выбросил раскрытую ладонь навстречу атаке. Зрение замерцало, поплыло, и он рассмотрел руку Рети так, словно она была полупрозрачной.

Стало видно каждую фалангу пальцев, кости пясти, запястья, лучезапястный сустав, связки, сухожилия, мышцы… Он не знал названий всего того мелкого множества, что внезапно оказалось перед глазами, но зато лицезрел эффект, когда кулак треттинца врезался ему в ладонь.

Так куриное яйцо ударяет в каменную крепостную стену и лопается. С кулаком произошел ровно то же самое. Треснули фаланги, лопнули кости пясти, затем не выдержали локтевая и лучевая предплечья, хрустнувшие словно сухие ветки.

Вир изумленно моргнул, шагнул в сторону, не понимая, как такое могло случиться, и в этот момент скорость Рети стала обычной, а еще спустя миг он захлебнулся криком, упал, выставил перед собой сломанную руку, оперся на нее и потерял сознание.

– *Хорошо*, – одобрил случившееся Эоген. – *А что будешь делать с этим?*

Ликка, точно ожившая гора, отрастившая ноги, поднимался. Все выше. Выше. И выше. В квартале поговаривали, что его далекие предки согрешили с гигантами. Сказка, конечно, но люди любят верить в сказки. Особенно когда подтверждение подобных слухов у них перед глазами.

Толстяк встал, выпрямился, бросив густую, казалось имеющую вес, тень на Вира, а затем попытался схватить противника широченной лапой за голову, явно собираясь раздавить череп.

Вновь палка Нэ дала о себе знать. Еще один ощутимый тычок по лопатке, и Вир подхватил Ликку одной рукой. Не видя округлившихся глаз Нунцио, парень ловко подбросил гиганта, поймал, а затем швырнул, словно мячик, через весь двор.

Огромная туша шмякнулась о стену дома и, вопреки возможным ожиданиям, не развалила его. Гигант сполз, упал на живот и остался лежать, тихо постанывая, несчастной мусорной кучей.

Вир повернулся в сторону Нунцио и, стараясь не слушать то, что ему говорят разные существующие лишь в его воображении люди, произнес негромко и веско:

– Так что там насчет моих вещей, сиор?

Пойдут слухи, Вир это прекрасно понимал. Видел лица зрителей в окнах и знал, как стремительно истории обрастают домыслами. Он не желал внимания, вопросов или еще чего похуже. Поэтому поступил, по его мнению, достаточно правильно: полностью сменил обстановку.

Пепельная Куча устраивала его все те месяцы, что он находился в Рионе. Понятные правила и окружение. Здесь Вир ощущал себя точно рыба в знакомом водоеме. Теперь же пришлось перебраться на другую сторону столицы, к Южной крепостной стене, в район Свирелей.

Чище, просторнее, приличнее и… дороже (впрочем, Нунцио без принуждения поделился деньгами, лишь бы ненормальный чужестранец забыл о его существовании и проступке, так что деньги были, не считая тех, что Вир хранил в тайнике). К вечеру он нашел маленькую комнатку под самой крышей, с небольшим балконом и возможностью быстро уйти, стоит лишь прыгнуть с перил и уцепиться за скобы соседнего здания.

Немаловажное достоинство нового жилья.

Вир стоял перед узким куском тусклого зеркала, а второе, ручное, в бронзовой оправе, стащенное с прилавка барахольщика, крутил в руках. Он знал, что с ним происходит, а потому колебался.

Нэ была бы очень недовольна. Потому что ее ученик, сам того не желая, становился сойкой. Ибо случившееся сегодня днем никак иначе объяснить нельзя. Только волки Борга способны на фокусы, которые он проделал.

И вот теперь… Вир один из них.

– *Дурачок*, – ласково сказала ему Шилна.

– *Но очень милый. Он не убил их. Может выйти толк*, – произнесла Юзель. – *В нем не ошиблись.*

– Хватит сверлить мои мозги! – попросил Вир, чувствуя, как ноет в висках. – Хватит говорить разными голосами! Их нет. Есть лишь татуировка на моей спине. Я что?! Обречен слышать их всю жизнь?

– *Нет,* – хмыкнул Эоген. Реже него говорила только Катрин. – *Лишь пока ты учишься. Пока не поймешь, как пользоваться тем, что тебе дано. Пока не станешь тем, кем предназначено стать.*

– Я не хочу быть сойкой! Нэ не хотела, и я тоже не желаю.

– *Дурачок*, – почти пропела Шилна, и в ее голосе слышалась озорная улыбка. – *Твой дар не извращен. Не быть тебе сойкой, даже если ты постараешься. Станешь таким, как мы. Одним из нас.*

– Таувином? – нахмурился Вир.

Дружный смех множества стал ему ответом. Он вздохнул, прося Шестерых дать ему терпения. И не сойти с ума от творящегося вокруг. А еще не совершить какую-нибудь глупость.

– Нэ сказала, что с тобой надо подружиться. Значит, это оно самое? Мы друзья?

– *Тебе решать*, – вновь произнес Эоген. – *Наберись смелости и ответь.*

Вир стянул через голову рубаху, повернулся к зеркалу спиной и поднял к глазам второе, чтобы увидеть татуировку у себя на лопатке.

На сучковатой изогнутой коряге, покрытой ярко-зеленым не то мхом, не то лишайником, сидел знакомый светлячок.

Но со времени Пубира кое-что изменилось.

Светлячок мягко сиял теплым, едва заметным светом. Он мерцал, словно маленькая звездочка.

А вместе с ним мерцали и десять новых светляков, расположившихся в разных частях рисунка, который уже занимал гораздо больше места на коже, чем это было раньше.

– Одиннадцать, – изумленно произнес Вир и взлохматил непослушные волосы на голове, запустив в них пятерню. – Одиннадцать!

Нэ была права. «Букашка» все-таки пригласила своих друзей.

Глава третья
Выбор некроманта

– Ищи меня в мире Трех Солнц и Двадцати Лун, – сказал умирающий таувин.

– Как я тебя найду? – глотая слезы, спросила молодая указывающая.

– Слушай ветер, поющий в перьях д'эр вин'емов, смотри, куда падают звезды, спроси у реки, отражающей закат, коснись клевера, и запах цветущих яблонь будет твоим ключом. Теперь ты знаешь дорогу, и мы сможем встретиться. И будем вместе.

– Всегда?

– Всегда.

Старая сказка герцогства Летос

– Рыба полосатая, – произнесла Лавиани. Затем подумала немного, задрала голову и, набрав в легкие побольше воздуха, заорала так, что зазвенело в ушах:

– Ры-ыба-а полосата-ая.

Легче, разумеется, не стало. Крик, подхваченный свежим пьянящим ветром, полетел над концом плоской равнины, заросшей распускающейся жимолостью, к бору с зонтичными соснами. Несколько испуганных птиц вспорхнули в небо.

– Рыба полосатая… – в третий раз, уже совсем тихо повторила женщина, провожая их взглядом. – Я бы тоже так хотела.

Она услышала шаги и раздраженно вздохнула:

– Мальчик, разве старая женщина не может немного побыть в одиночестве?

– Тебя не было несколько часов. – Тэо осторожно присел на мшистый плоский камень, с удовольствием вытянул ноги. – Я начал волноваться.

– С утра меня все жутко раздражает. – Ее ничуть не тронули слова о беспокойстве за нее.

– Я прекрасно слышал твое негодование.

Она почувствовала в его словах улыбку и нахмурилась.

– «Все раздражает», означает: «в том числе и ты».

– Твой ботинок…

– А-а-а, – ядовито протянула Лавиани. – Ты заметил.

Она приподняла левую ногу и пошевелила ступней. Подошва отвалилась, держась лишь на лоскутке возле каблука, и ботинок разъявил «пасть», усмехаясь.

– Можно перевязать его веревкой.

Лавиани, услышав подобное предложение, посмотрела волком:

– Шею бы тебе перевязать веревкой, умник.

Затем она села на землю и стала дергать шнурки.

– Мы очень долго в дороге, – сказал Тэо. – Обувь разваливается, одежда рвется.

Тут сойка склонила голову, признавая правоту его слов:

– Мы похожи на жалких бродяг. И для живности вокруг, полагаю, воняем за лигу. Охотиться становится не так-то просто. Ну и когда выйдем к людям, нас вполне могут побить камнями. На всякий случай. Я бы именно так и сделала.

– О. Я не сомневаюсь. – Он не счел нужным прятать улыбку.

Лавиани покосилась на акробата.

– Так бы и сделала. Нечего ходить поблизости от меня всяким голодранцам. Чуть зазеваешься, и они упрут то, что плохо лежит. – Сняв ботинок и одарив его взглядом, полным ненавистного презрения, она произнесла:

– Ты решил оставить меня, сдаться, подло бросить. Проклятущий предатель.

Она швырнула башмак в кусты, начала снимать второй.

– Пойдешь босой?

– Это лучше, чем когда на каждом шагу он каши просит. Но если у тебя есть желание понести старую женщину на руках, я отказываться не буду.

Увидев лицо Тэо, сойка негромко выругалась:

– Вечно забываю, что некоторые слова ты воспринимаешь абсолютно всерьез. Я не юная герцогиня из старой сказки, у которой нежные ножки и ее следует тащить на горбу через тысячу земель в мир Трех Солнц и Двадцати Лун.

– Ого! – изумился акробат. – А ведь ты говорила, что никогда не интересовалась сказками.

– Это было в те прекрасные времена, когда я еще не узнала вашу компанию. И не попала в цирк в качестве обезьянки. Теперь моя башка забита сказками, потому что два дурных клоуна, Гит и Ливен, когда не пили и не резались в карты, травили историю за историей, стоило фургонам выйти на тракт. Так что даже такая старая селедка, как я, теперь знает про мир Трех Солнц, про деву асторэ и ее верного таувина, не говоря уже о том, как некромант за одну ночь сожрал целый город и не смог убежать от возмездия, что настигло его.

Второй ботинок улетел в кустарник следом за первым.

– Я всю юность проходила босой по улицам Пубира, и молодая травка для моих ступней куда лучше, чем битые стекла, лошадиное дерьмо и грязь. Найду себе новую обувь, получше прежней, как только доберемся до обжитых мест.

– Уже скоро.

Сойка уставилась на акробата с подозрением.

– И ты знаешь это, потому что?..

– За эту зиму мы прошли Зуб с юго-востока на северо-запад. – Тэо чуть пожал плечами. – Теперь воздух пахнет морем.

Лавиани потянула носом:

– Пахнет моими немытыми ногами.

– И морем.

– Это твои новые асторские штучки? Ты чуешь врагов за лиги и можешь предсказать дождь из лягушек? Ну, хорошо, если вдруг окажешься прав. Мне до смерти надоело торчать в Мертвых землях. Хочется кровать, ванну, одежду, корзину куриных яиц и чтобы рядом появился хоть кто-то, кого я могу прикончить и не буду после об этом жалеть. Пока же мне приходится убивать только мелких зверьков да глупых толстых птиц. – Лавиани подняла с земли валявшегося у ее ног довольно тощего кролика.

Так себе добыча. И так себе ужин на четырех человек. Больше костей и шерсти, чем мяса. Но жаловаться глупо, особенно после того, как Лавиани пришла в себя. Она помнила все то же серое небо, запах гари и мертвечины, а еще боль в груди, такую, что трудно дышать, не говоря уже о том, чтобы ругаться.

Шерон залатала ее, сделав работу лекаря на удивление хорошо, тем более если учитывать тяжесть раны.

Смертельной, чего уж тут скрывать.

Сойка осталась жива, но на полное восстановление ей потребовалось больше месяца, и, стоило признать, это время оказалось тяжелым для путников.

Первые десять дней после Аркуса они голодали. На равнинах за городом Шестерых не встречалось никакой живности. Ни зверей, ни птиц. Пустые земли, расползшиеся от дождя, со скудной травой – выглядели бесконечными и совершенно вымершими.

Путешественники напоминали инвалидов, впрочем, так оно и было. Один из искари нес спящего Тэо, другой – едва шевелившуюся Лавиани. Потом она узнала, что был еще и третий, его Шерон «отпустила», стоило им уйти из города. Впереди едва брела указывающая, которой требовалась масса сил, чтобы удерживать контроль над темными таувинами, а рядом с ней, то и дело спотыкаясь, опираясь на обломанное древко копья, шествовала Бланка.

Воистину компания убогих на марше, готовых вот-вот отдать Шестерым души и отправиться на ту сторону.

Когда Лавиани наконец-то самостоятельно смогла сесть, то заявила Шерон:

– Ты убиваешь себя, девочка.

Тзамас – одни белые бельма на сером, испачканном грязью и кровью, похудевшем лице – посмотрела на нее устало и закашлялась.

– Ерунда.

– Хватит корчить дуру. Это раздражает. Ты вполне понимаешь, о чем я говорю. – Лавиани пришлось сделать паузу, чтобы кинжальная боль, возникшая в ее заново сросшихся ребрах, перестала терзать кости. – Ты «держишь» этих мерзких тварей под контролем, управляешь ими, а они не обычные покойники. И пьют твою жизнь с жадностью пьяницы, запертого в винных подвалах герцога. И надо заметить, что подвалы опустошаются с катастрофической скоростью. Избавься от них.

– Нам надо двигаться, – прошептала Шерон, вытирая окровавленные губы тыльной стороной ладони. Выглядела она неважно.

– Скоро ты не сможешь двигаться, если только рядом не найдется еще одной тзамас, которая тебя поднимет. И что-то я в этом очень сильно сомневаюсь. Отпускай свой поводок. Он, может, и держит бывшего таувина, но душит тебя. Оно того не стоит.

Та упрямо помотала головой:

– Птицы.

– Что? – не поняла Лавиани.

– Пока не увидим птиц, останавливаться нельзя. Умрем от голода. Мы не можем есть землю. Идем. И хватит спорить.

Птицу, пестрого степного канюка, они увидели лишь через четыре дня. Сойка уже могла стоять на ногах, а вот Шерон сильно шатало, и Бланка поддерживала ее.

– Ну?! Долго ты еще будешь тянуть? Птица. Вон там. Теперь можно остановиться. И я пойду кого-нибудь поймаю и сожру. И вас, так и быть, накормлю, раз уж взялась нянчить взрослых людей.

– Сейчас зима. Ты уверена, что мы можем остаться здесь на какое-то время?

– Мы на юге. Не Соланка, конечно, но так себе зима. Никто из нас не замерзнет от холода, даже если будет очень стараться. Деревья есть, я построю шалаш, огонь тоже не проблема. Тэо рано или поздно очнется.

Указывающая колебалась и повернулась за советом к Бланке:

– А ты что думаешь?

Лавиани хотела выругаться, но решила не лезть.

Слепая, опираясь на палку, негромко проронила:

– Мы идем из последних сил. Нам нужен отдых. А тебе требуется избавление от этих. Останемся.

– Это может занять месяцы. Вы ведь понимаете?

– Куда ты спешишь, девочка? – Лавиани просто сочилась ядом. – На кладбище?

Шерон промолчала и устало склонила голову.

Искари опустился на колени, положив Тэо на землю, затем вместе со своим товарищем под пристальным взглядом Лавиани отошел назад. Из щелей доспехов посыпался серый прах, слабо дохнуло тлением, и пустые латы обоих темных таувинов с грохотом рухнули, распадаясь на части. Сойка, словно бы не доверяя случившемуся, подошла и осторожно пошевелила ногой деформированный шлем.

…В этом «лагере» они провели больше месяца. Лавиани выползала с утра, ощущая себя словно ящерица, неспособная ожить после длительных холодов. Едва двигалась и, прогоняя апатию, начинала что-то делать. Охота удавалась не всегда, а еда поначалу была скудной. Все, что мог добыть нож и самодельная праща: равнинные грызуны, некрупные птахи, кролики.

После охоты она падала на подстилку из сухой травы и уже не хотела ничего до самого вечера.

Шерон боролась с лихорадкой куда более сильной, чем та, что когда-то скрутила ее возле отрогов Мышиных гор, где Лавиани пришлось добывать курицу, чтобы сварить бульон. Теперь получить бульон не представлялось возможным, у них не было котелка.

Бланка взяла на себя заботу об указывающей, когда Лавиани уходила на поиски еды или отлеживалась. Тэо глубоко спал, без всяких пробуждений, не нуждаясь ни в еде, ни в питье. Парил где-то в грезах, иногда произнося слова на языке, которого они не понимали.

Со временем все стало налаживаться. Силы стремительно возвращались к сойке, усталость исчезла, боль почти перестала терзать ребра, и Лавиани с каждым днем уходила все дальше от лагеря, изучая местность и находя новую живность. Лихорадка отпустила Шерон, и теперь указывающая часами разговаривала с Бланкой, изучая книгу Дакрас.

На исходе пятой недели, когда месяц Мантикоры близился к своему завершению, очнулся Тэо. Еще через семь дней они двинулись в путь, надеясь выйти к побережью Жемчужного моря и оказаться ближе к обжитым местам.

Но дорога длилась и длилась. Равнина, казавшаяся торной и благосклонной, сменилась скалистыми отрогами, невысокими, однако труднопреодолимыми. Множество трещин, каньонов и провалов пересекали их, и приходилось искать обходной маршрут, порой блуждая по лабиринту. Иногда на это уходил весь световой день, и продвигались они куда медленнее, чем рассчитывали.

Путешествие глотало дни с алчностью голодного мэлга.

И вот наконец-то, по словам акробата, они почти достигли моря, а значит, где-то там за лесом может быть тракт и даже какая-нибудь деревня. Мертвые земли, оставленные людьми еще во времена ухода Шестерых, заканчивались.

– Не верю, что какой-то ботинок мог испортить твое настроение. – Тэо без интереса посмотрел на кролика в руках Лавиани.

Та фыркнула:

– Он просто стал последней каплей. Что ты скажешь на это?

Ей снова пришлось бросить добычу в траву и показать акробату ладони. На левой и правой, хлопая крылышками, парили две бабочки.

– Я бы сказал, что они красивые, но, полагаю, это тебя только разозлит, – осторожно произнес Пружина.

Сойка повернула ладони к себе, изучила придирчиво, словно видела впервые.

– Красивые, – согласилась она. – Но жутко раздражают, рыба полосатая. Теперь я обладательница шести рисунков вместо четырех. Но управлять могу лишь теми, что были у меня изначально. Эти… я не слышу их.

– В смысле? – удивился Тэо. – Ты хочешь сказать, они с тобой разговаривают? Татуировки? Бабочки?..

– Не твое дело, Попрыгун, кто и когда со мной разговаривает, – огрызнулась та. – Хоть облака, хоть букашки в полях. Это не решает моей проблемы. Две новые, которые не подчи-

няются мне, и появились они после того, как ты применил свои цирковые фокусы. Так что я очень бы хотела знать, что это такое, как от этого избавиться и не появится ли еще картинок. Например, у меня на лбу. Или на заднице.

– Я и раньше использовал силу асторэ. На плоту, а потом в лесу, когда появился Шрев. И в даирате. Но это ничего не меняло в твоих рисунках.

– Значит, не так использовал. Но теперь появилась одна, а затем, уже после Аркуса, другая.

– У меня нет ответа.

– Вот всегда так, рыба полосатая. Ни у кого из нас нет никаких ответов. Мы только таращим глаза, да бежим куда-то сломя голову. И так уже который год.

– Быть может, обо всем этом знает тот, кто тебе их нарисовал?

– Хм… – Лавиани одобрительно кивнула. – Да вы, циркачи, находчивые ребята. Так и поступлю. Из Рионы поедем в Пубир, где меня желает прикончить каждая собака, придем с Шерон на могилу, она его разбудит и допросит. Тут все и станет понятно.

– Может быть, ты становишься таувином…

– Десятью таувинами и одной великой волшебницей. Не городи чушь, мальчик. Это нечто иное и больше напоминает сыпь. Которая возникает ни к месту и постоянно вызывает раздражение.

– Они же не мешают тебе жить. Более того, одна из них спасла тебя от удара клинка искари.

Лавиани махнула рукой, говоря этим, что нет смысла продолжать беседу:

– А, во тьму все. – Подхватив кролика, она направилась к лагерю, сердито шлепая босыми ступнями.

Бланка сидела на расстеленном походном одеяле и, чуть склонив голову, не спеша расчесывала бледно-рыжие волосы, сверкавшие на теплом весеннем солнце, словно медная проволока. Когда до нее оставалось ярдов сто, она посмотрела в сторону Лавиани и помахала рукой, в которой был зажат костяной гребешок.

– Проклятущая слепая, – недовольно пробурчала себе под нос сойка. – У меня от нее то и дело мурашки.

– Вместе с тем только благодаря ей мы выбрались из Аркуса. – Тэо находился слишком близко, чтобы не услышать фразы.

– Именно поэтому я отношусь к ней благосклонно и с симпатией.

Акробат рассмеялся.

– Я серьезно, Попрыгун. Благосклонно и с симпатией, иначе на кой шаутт я бы ее кормила, когда мы все подыхали без еды? Она заслужила свой кусок кроличьей лапки и право быть в нашей безумной компании уродцев. Но она все равно меня пугает тем, чего я не понимаю.

– Ты и силу асторэ не понимаешь.

Они почти дошли до Бланки, когда последовал ответ:

– Не понимаю. Впрочем, как и ты.

Тэо прижал руку к сердцу:

– Подлый удар.

– Я на такое способна, – важно кивнула сойка. – Но утешу тебя, ты еще наберешься знаний. Вернешься в Шой-ри-Тэйран, поспишь сотню лет и будешь самым мудрым из асторэ.

Пружина с сожалением покачал головой:

– Ты не слушала то, что я рассказывал.

– Слушала, – рассеянно произнесла Лавиани, пытаясь разглядеть Шерон, но на стоянке той не было. – Во всяком случае, все, что представляло для меня мало-мальский интерес. Так что я упустила?

– «Плач о лете». Ее пела Велина.

– А… – вспомнила женщина. – Про Первый Дуб, о настоящее название которого можно своротить язык. Ну да. Точно. Дерево асторэ, желуди которого они передали своим детям эйвам, и те вырастили леса на всех континентах. Потом самый важный дуб сожгли шаутты, кажется. Или Шестеро. Полагаю, у тех и у других имелись на то причины. Короче, лето закончилось.

– Но остались леса эйвов, а там – их города, где асторэ могли получить знания прошлого. – Бланка заколола волосы безделушкой, в которой скрывалась ядовитая игла. – Ведь только там их можно было получить тем, кто не умеет читать. Дубы были вашими книгами. Верно, Тэо?

– Выходит, да.

– Эй! – Лавиани помахала рукой перед лицом Бланки. – Специально для слепых: я все еще с вами и вообще не улавливаю, куда вы клоните.

– Было несколько великих лесов и в них города эйвов. Мы знаем о двух из них. Это Шой-ри-Нейган, утонувший с бледными равнинами Даула, спасибо Темному Наезднику.

– И Шестерым… – тут же добавила сойка. – Угу. И второй Шой-ри-Тэйран, где мы с вами весело провели время.

– И он уничтожен, – произнесла Бланка.

– Не говори чушь, рыжая. Когда я уходила, он был на месте, в сердце леса.

– Но город мертв, выжжен тьмой. Шерон убила его своей магией. Помнишь? – вкрадчиво поинтересовалась Бланка. – Поэтому Тэо и проснулся раньше времени и недополучил знания. Их передают асторэ дубы, как людям передают книги. А теперь Шой-ри-Тэйран умер.

Лавиани подвигала языком во рту, вспомнила кое-что и обратилась к акробату:

– Не ты ли говорил мне, что Шестеро лишили асторэ умения читать, чтобы те не вернули себе магию? А если, выходит, они в любой момент могли ее получить, просто полежав под деревьями, какой тьмы волшебники не сровняли леса эйвов с землей?

– Остается только догадываться, какие отношения были у эйвов и волшебников. И почему последние никогда не вторгались в леса этого народа.

– Спросите у Мильвио, – произнесла Бланка.

Они оба уставились на нее, и та, чуть усмехнувшись, развела руками:

– Я помню, как ты говорила о Фламинго в здании таувинов, где на стенах оставили письмена великие волшебники.

– А я надеялась, что ты об этом забыла, – прищурилась сойка. – Но ты еще и выводы сделала. Глупые.

– Шерон не стала скрывать.

– Ну, тем лучше. Что касается «волшебника», то, вполне допускаю, он знает не больше нашего. Кто может поручиться за то, что творилось, когда Шестеро выставляли своих учителей на ту сторону? И кстати, довольно забавно, что Шой-ри-Тэйран существовал несколько эпох, а уничтожен девчонкой, которая только-только училась быть тзамас. Неужели никто из некромантов не мог туда попасть раньше?

– Гратанэхи охраняли границы этих лесов. Туда и волшебники раньше приходили по приглашению. – В голосе Тэо слышалась грусть. – Тзамас не сражались с эйвами в последние эпохи. И с асторэ тоже. Их врагами всегда были таувины и великие волшебники. Им незачем было разорять леса.

– Или они этого не могли. До прихода Шерон. Ведь Мильвио привел ее.

– Привел.

– И не предупредил о том, что будет.

– Ты забываешь, – возразил акробат. – Ее предупредил эйв.

– Ну хорошо. Было такое, – признала Лавиани. – И чем это закончилось, все помнят? Вот. А Фламинго ей так ничего и не сказал?

Тэо сокрушенно покачал головой:

– Не думала о том, что он просто не хотел взваливать на ее плечи лишний камень?

Лицо у сойки стало довольным, словно ей только что выдали целый мешок золотых марок:

– Поэтому вместо него это сделал ты, не найдя ничего лучше.

– Еще один подлый удар, – без всякой печали произнес Тэо, вновь прижимая руку к сердцу. – Второй за день.

– Я стараюсь, – с достоинством произнесла убийца Ночного Клана и даже поклонилась, принимая «комплимент». – Но, завершая тему, поняла, куда ты клонишь. Лес мертв, и ты не получишь новых знаний.

– Не только я, но и другие асторэ. Те, кто есть в нашем мире. Те, кто появятся позже. Они останутся пустыми и принесут лишь зло.

– Зло. Добро. Вот что я тебе скажу, мальчик. Живи одним днем и не думай о тех, кто будет после тебя, иначе ты сойдешь с ума, страдая о неизвестных.

– Последние потомки Подпирающего Небо уничтожены. Сведения о магии асторэ утрачены. – Теперь Тэо был серьезен.

– Мир велик, а от прошлого нам доступны лишь жалкие крохи. – Лавиани тоже стала серьезной, посмотрела на него искоса. – Пустынь огромна, никто уже веками не уходил в нее далеко от замков Белого пламени. Мут славится непроходимыми лесами, Кадир и его пустоши, джунгли Черной земли. Не говоря уже о Смерчах. Дубы живучи, уверена, что где-то они есть. Если ты не понял, то я только что проявила сочувствие и заботу. Где наша повелительница мертвых?

Бланка махнула рукой за кустарник:

– У реки. Она там с утра.

Река – одно название, скорее уж широкий ручей с обрывистыми берегами и проворным течением. Здесь росли маленькие и чахлые ивы, некоторые макали ветви с недавно появившимися листьями в мутную воду.

Под одним из деревьев спала Шерон, укрыв лицо платком и положив под голову книгу Дакрас. Сойка поколебалась, но, решив не будить девушку, села в отдалении, подставила лицо солнцу и тоже опустила веки, уже смирившись с тем, что день перевалил за половину и, скорее всего, сегодня они больше никуда не пойдут.

Когда со стороны стоянки ветер принес запах дыма, а после и жареного мяса, Шерон пошевелилась и осторожно села.

Несколько мгновений они с Лавиани смотрели друг на друга.

За зиму изменения, произошедшие с указывающей, усилились. Она вновь перестала стричь волосы, и те успели отрасти до плеч, но теперь больше половины их стали белыми, словно первый снег, как и левая бровь и ресницы – и это привлекало внимание намного сильнее, чем хотелось бы сойке. Лицо похудело так, что скулы стали выпирать куда резче, чем вообще возможно. Щеки ввалились, подбородок заострился. Глаза от этого казались нереально огромными.

И оставались все такими же белыми и мутными.

Молоко, а не глаза.

Ни зрачков, ни радужки.

Подобное способно напугать кого угодно.

– Сама не заметила, как уснула… Ты без ботинок?

– Мы не сошлись характерами и решили двигаться каждый в своем направлении. Но это не стоящая внимания ерунда… Ты нашла решение? Как сделать твой вид нормальным? В таком тебя поднимут на вилы на первой же ферме.

– Да.

– Поздравляю. – Лавиани произнесла это с наигранной небрежностью. – Хотя конечно же лучше бы ты придумала, как расстегнуть браслет.

– Просто попроси. – Указывающая легко поняла, о чем думает сойка.

Та поджала губы:

– Я уже просила, как ты помнишь. Стоило тебе справиться с лихорадкой. Ты отказалась.

– Тогда это выглядело… – Указывающая подбирала подходящее слово. – Отталкивающе, скажем так.

– Хорошо. – Лавиани подавила раздражение. – Покажи мне, что с замком твоего браслета. Быть может, я смогу его отомкнуть.

Под пристальным взглядом сойки Шерон неспешно закатала левый рукав видавшей виды рубахи, обнажая запястье.

Сойка присвистнула сквозь сжатые зубы, и звук, который издали ее губы, больше напоминал шипение.

– Все хуже, чем я думала.

Кожа на запястье представляла собой сплошной розовый рубец с рваными краями и наслоениями, а еще она казалась чуть приподнятой, как будто под ней что-то находилось помимо мышц и кости.

Впрочем, так оно и было.

Браслет полностью погрузился в плоть.

– Ну… вот. Теперь так.

– Это больно?

– Нет. – Указывающая подвигала пальцами.

– Ты пробовала его вырезать?

– Нет. И тебе не советую. Металл слился с костями в единое целое.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

Они помолчали, пока Шерон вновь скрывала руку под рубашкой.

– Выходит, от него не избавиться.

– До моей смерти, полагаю.

– У Мерк в твоем видении он был такой же?

– Все-таки она великая волшебница, а не девчонка с Летоса.

– Ты некромант, способная контролировать сразу трех искари. Та, кто сожгла Аркус дотла и разогнала мэлгов и шауттов.

– Я сожгла город лишь потому, что *он* дал мне силу. – Правая рука коснулась левого запястья. – А Бланка ее умножила многократно. И еще там было настоящее волшебство.

– Волшебство? – не поняла сойка.

Шерон кивнула:

– То, которым пользовались великие вроде Тиона. Хранилось в Аркусе как… как вода в чаше. Там, под куполом. Когда свод треснул, эта «вода» стала утекать.

Лавиани цокнула языком и поинтересовалась:

– Выходит, магия, которую забрал Тион, вырвалась в мир?

Указывающая подумала, затем отрицательно покачала головой:

– Одно зернышко из тысяч собранных во время урожая, вот сколько там было. Ничто. Ни хлеба испечь, ни продать, ни посеять.

– Из одного зерна может появиться множество. Со временем. Следует лишь ухаживать за урожаем и молить о благосклонной погоде, – возразила ей сойка.

– Что же. Я привела не самый удачный пример, который ты обратила против меня, но сути это не изменит. Той магии слишком мало для мира, теперь ни я, ни Бланка ее больше не ощущаем.

– Ну, поглядим, что из этого выйдет в будущем. Мне уж точно на нее наплевать. Куда больше беспокоят мэлги, оставшиеся за спиной. А их там прилично, даже несмотря на белый огонь.

– Никто нас не преследовал.

– И все же они там. – Лавиани махнула в сторону юга. – И их достаточно, чтобы причинить Треттини большое количество проблем. Я даже пару раз в силу слабости своего любезного и добросердечного характера… и не надо, пожалуйста, хихикать… подумывала, что надо как-то сообщить Рионе о том, что мы видели. Но потом решила: нам мало того что не поверят, так еще и тумаков отвесят. Впрочем, давай вернемся к решению. Что там подсказала тебе книга?

– Нужна твоя кровь.

– Что?! – возмутилась сойка.

– Кровь таувина. Да-да. Я знаю, ты не таувин, но это лучше, чем ничего.

Лавиани прищурилась:

– Мне просто интересно, часто ли тзамас в прошлые эпохи ловили благородных рыцарей и доили их, словно коров?

– Подобное случалось, если верить написанному. Но не для того, чтобы скрыть реальный облик. Это лишь побочный эффект.

– И как много крови тебе потребуется?

– Пара капель.

Сойка фыркнула:

– Обвинить тзамас в жадности точно не получится! И куда их?

– Сейчас?

– Было бы неплохо. Моя доброта, знаешь ли, не вечна.

Шерон скинула с ладони игральные кости, и те послушно подкатились к Лавиани. Сойка, ничего не говоря, достала нож, уколола левое запястье, и несколько тяжелых капель упали на артефакт тзамас, тут же растворившись в кубиках.

Те вернулись к хозяйке в руку, и Шерон сжала их в кулаке, зажмурившись. Когда она открыла глаза, Лавиани наградила ее усмешкой и чуть подалась вперед, рассматривая девушку.

– Неплохо, хотя они не такие, как прежде.

Шерон достала из сумки треугольный осколок зеркала, изучила радужку. Отнюдь не серую. Бледную, почти бесцветную, а потому странную и притягивающую взгляд.

Холодные глаза. Опасные. Жесткие. Совершенно не подходящие той, кого Лавиани знала не первый год.

– Но хотя бы не будут вызывать ужас у каждого, кто их увидит, – наконец сказала тзамас. – Я все больше сама на себя не похожа.

– Каждая из нас меняется. – Сойка провела дугу пальцем в воздухе. – От девочки в старуху. Изменения – важная часть любой жизни.

– Удивительно, что ты говоришь об этом.

– Если честно, не мои слова. Я как-то подслушала разговор Фламинго и Тэо. Но твой волшебник прав. И глаза да волосы – так себе проблема. Уж куда лучше морщин, болей в суставах и отсутствия зубов.

– При сравнении перспектив, которые ты описала, бесспорно. Вместе с тем, окажись я сейчас в Нимаде, меня бы мало кто узнал.

– До Нимада отсюда тысячи лиг и месяцы пути. Порадуйся, что твои глаза теперь как у всех нормальных людей. Этот твой цирковой фокус… он надолго?

– Ну, если вдруг эффект закончится, я попрошу у тебя еще немного.

– Я-то не откажу, но не хотелось бы, чтобы такое случилось, когда ты будешь в толпе, например, на рынке Рионы. Возникнет некоторое… скажем так, недопонимание. И зная южан – проблемы у всех причастных сторон. – Она поднялась на ноги. – Я голодна от обильной потери крови. Идем, кажется, Попрыгун нашел возможность приготовить мою добычу.

Шерон подняла с земли тяжелую книгу, провела пальцами по обложке:

– Я перестала испытывать отвращение к ней. К тому, из чего она сделана и кем.

– Хм… мне надо посочувствовать или порадоваться за тебя?

Блеклые радужки глаз тзамас чуть потемнели.

– Испугаться. Хотя бы тебе, раз я не могу. Я теряю себя. Смерть становится слишком естественным явлением для меня. А человеческие тела лишь материалом. Это плохо. Они ведь люди. Я теряю отвращение к тому, чем занимаюсь и чем занималась Дакрас, создавая эту книгу.

Лавиани смягчилась, кажется, впервые за весь день и улыбнулась:

– Знаешь, что мне в тебе нравится, девочка? Ты не страдаешь по сделанному. Опасаешься будущего и помнишь о последствиях, это так, но не льешь глупые слезы по тому, чего уже не вернуть. Бланка рассказала мне про того контрабандиста.

– Он не первый, кого я убила за то время, что покинула Нимад.

– Но первый принесенный в жертву ради того, чтобы выжили другие. Это тяжело. Для девочки из тихого, всеми забытого старого города на краю мира, которую учили защищать невиновных людей, а не отправлять их на ту сторону. Поверь, я понимаю. И я благодарна тебе за принятое тогда решение. Уверена, оно оказалось непростым.

– Но логичным, – спокойно ответила ей девушка. – Если отбросить эмоции, оно было логичным, холодным, рациональным и расчетливым, если угодно. Я… поступила правильно. Жизнь неизвестного мне человека на одной чаше весов с твоей жизнью. Нашими.

– Но ты боишься того, что скажет Мильвио.

– Не боюсь. Скорее печалюсь. Это так же грустно, как видеть другую себя в отражении. – Она покрутила осколок зеркальца, аккуратно держа его пальцами, чтобы не порезаться, и оно поймало и отразило солнечный блик. – Он оставлял меня одной, а увидит другую.

– Ну тогда мог бы не оставлять, – проворчала сойка и тут же сбавила тон: – Да, понимаю. Понимаю. Не трудись объяснять. Он отправился разобраться, что случилось на Талорисе и с твоим ребенком. И пропал. Но вот что я тебе скажу. Фламинго милый парень, если забыть, что он великий волшебник, пускай и без магии теперь. Твой друг – один из тех, кто говорил с Тионом, Скованным и Арилой.

– О чем ты?

– О том, что он совершил куда больше ошибок, чем ты. В тысячи раз больше, коли прожил так долго. И участвовал в эпохальных событиях, войнах и битвах, которые нам и не снились. Если ты думаешь, что он не пролил ни капли крови и не убил пару тысяч случайных, совершенно невинных людей… то я лишу тебя ужина за глупость. Ты – некромант. Он знает это и всегда знал последствия. Так что перестань думать о таких мелочах. Что скажет Фламинго, сейчас не так уж и важно. Пусть он сперва найдет нас. Или мы его. А пока нелепо страшиться такой ерунды.

И она, не дожидаясь Шерон, решительным шагом отправилась к горящему костру.

– Рыба полосатая. Хорошо-то как! Жизнь возвращается. Чуете?

Шерон повернула голову в сторону мятой поверхности темно-синего Жемчужного моря.

– Да, – счастливо произнесла указывающая. – Оно прекрасно.

– Ты о чем? – не поняла сойка. – А! Да я не про эту лужу. Вот! Вот, что важно!

Она указала на подсохшие лошадиные яблоки, разбросанные на узкой дороге, протоптанной через луг.

Не дорога, а какая-то насмешка. Но в пыли угадывались следы копыт и колес. Все намекало на то, что они наконец-то выбрались из Мертвых земель.

– Ну, теперь мы сможем кое-что сделать. – Лавиани радовалась и не скрывала этого.

– Например, что? – Бланка шла с уверенностью зрячей, опираясь на новый посох, сделанный для нее Тэо из сосновой палки.

Сойка чуть скосила на нее глаза, ответив с необычайной любезностью:

– Разве у нас нет целей? Отсутствуют мечты? Стремления? Последние два года мы как перекати-поле на карифских пустошах. Несемся туда, куда подует ирифи.

– Ты сама на себя не похожа, – с удивлением произнес Тэо.

– Да, я сейчас словно маленькая собачка, к которой вернулся хозяин. Готова прыгать и визжать, и лишь мой степенный возраст мешает вести себя подобным образом. Предвкушаю корзину куриных яиц и ванну. Ладно, раз вы сегодня настолько неразговорчивы, то начну со своих целей. Мне бы стоило вернуться в Пубир.

– Неожиданно. – Шерон продолжала смотреть на море. – К чему? Шрев же мертв.

– То есть я просто так не могу вернуться в город моей молодости, чтобы доживать в нем свои последние годы? – делано возмутилась Лавиани.

– Ты? «Просто так?» – Бланка рассмеялась. – Думаешь, хоть кто-то из нас в такое поверит? Что ты перестанешь быть шилом и усядешься на скамеечку греть на солнышке старые кости?

– Сплошные скептики вокруг. И каждый мнит себя умнее другого. Шрев, конечно, мертв, но Борг жив. И он не забыл, как я выпотрошила его гадючье гнездо, в том числе и в Третгини. Он потерял меня до поры до времени, но рано или поздно его глаза и уши найдут бедняжку Лавиани, и тогда прилетят новые сойки. У него их вполне достаточно по мою душу. И здесь возникает кое-что меня беспокоящее. А именно – когда придут из Пубира… заметьте, не «если», а «когда»… вы будете слишком близко к опасности.

Бланка, не веря услышанному, подняла посох к небесам, словно призывая их в свидетели.

– Слишком близко к опасности? Ближе, чем в Туманном лесу к Сегу? Или ближе, чем в Эльвате к воинам герцога? Или ближе, чем в даирате к сулла? А может быть, ближе, чем к мэлгам, шауттам и искари в Аркусе?

– О, рыжая. Я понимаю, к чему ты клонишь, но лучший способ избежать опасности – это ее отсутствие рядом с тобой. Потому что все случается, как бы уверен в своих силах ты ни был. Смерть приходит за всеми и порой в самый неожиданный момент. Так что от Борга следует избавиться, а для этого мне требуется отправиться в Пубир и найти его. Я и так уж больно сильно протянула с этим. К тому же у меня к нему много вопросов. Хотелось бы узнать причину, по которой он решил забрать у меня сына. Самому ли это ему пришло в голову или кто надоумил.

Они помолчали, идя вдоль береговой линии и слушая шум прибоя.

– И когда ты хочешь уехать? – наконец спросил Тэо.

– Я еще не думала об этом, – уклончиво сказала Лавиани. – Мы долго находились в стороне от цивилизации. Хотелось бы сперва узнать новости, посмотреть, что да как, а потом уже решать. Я же пока просто говорю о целях и мечтах.

– Если говорить о том, чего хочу я… – Бланка ловко перешагнула через ямку, оказавшуюся у нее на пути, и сойка отметила для себя, что стоит с ней поговорить при случае. Если рыжая начнет выкидывать такие фокусы на людях, то те не в меру заинтересуются, как незрячая так хорошо видит, что лежит у нее под ногами. – То я не хочу ничего. Кроме как видеть.

– Ну, это известно. И твоя цель быть поближе к нам.

– Хоть это и не всегда комфортно, – усмехнулась госпожа Эрбет.

– Неужели ты не хочешь вернуться в Варен?

– Родной город, где никого не осталось? Нет, Шерон. Не хочу. Я не привязана ни к нему, ни к имению мужа. Точнее, моему имению. Ненавижу его. Я могу жить где угодно, и если выбирать, то купила бы дома в Рионе и в Карене. В последнем есть университет и не самые глупые люди в мире. Денег у меня вполне достаточно, а пара умных служанок обеспечили бы меня не только надлежащим комфортом, но и читали бы книги.

– Да. Звучит куда приятнее, чем брести по пустой дороге, стараясь не наступить в лошадиное дерьмо. С тобой все понятно. Попрыгун?

– Хочу вернуться в цирк.

– Серьезно?

– Конечно. Это мой дом и моя жизнь. Я люблю то, чем занимаюсь.

– Фургоны, труппа, вечная дорога и зеваки на площадях. – Лавиани сделала над собой усилие, чтобы не скривиться. – Оно, конечно, не самый плохой выбор в жизни, но я досыта наелась цирком за время путешествия до Бренна. И значит, ты вернешься?

– При первой возможности. – Он грустно улыбнулся. – Ну, я утешаю себя этим. Потому что асторэ, магия, шаутты… Я не знаю, что со всем этим делать. И как поступать. Пожалуй, в первый раз в жизни, даже теперь, понимая, кто я. До Туманного леса была цель – найти Тиона и справиться с водоворотом. Потом… отыскать вас. Затем добраться до обжитых земель. Что делать теперь – я не знаю. Буду с вами, а там посмотрим.

– А ты, Шерон?

– Найти Мильвио. Узнать, что с Найли. Отправиться на Талорис, чтобы ее спасти. Ну и учиться, разумеется, – не задумываясь ответила девушка.

– Быть некромантом.

– Скорее, как не навредить большему количеству людей.

– А если у тебя все выйдет, осядешь на Талорисе, девочка? Думаешь, твой волшебник отправится с тобой?

Ответ перестал ей быть интересен, так как путь делал резкий поворот от моря, ныряя еще в одну сосновую рощу. Редкую, светлую, сквозь которую была видна низкая, всего лишь в половину человеческого роста стена, сложенная из розоватого необтесанного камня. За ней начинались невысокие дома то ли маленького городка, то ли большой деревушки.

Разумеется, на них глазели. Женщины в синих юбках и рубахах с голубой вышивкой по рукавам подзывали мужчин, занятых работой. Те, с загаром, который, казалось, вечно не слезал с их кожи, отчего светло-серые или светло-зеленые глаза становились еще более яркими, молчали, глядя из-под широкополых соломенных шляп, никак не выражая эмоций.

– Не очень они дружелюбны для южан, – проворчала Лавиани, косясь на прохожих. – У каждого нож на поясе. Таким свинью насквозь проткнуть можно.

Свинья обнаружилась возле первого же перекрестка, рядом с одноэтажным постоялым двором. Ее зарезали прямо недалеко от крыльца (кровь все еще впитывалась в землю, оставив на ней темные пятна) и, обложив соломой, опаливали шкуру.

Один из мясников, завидев, что сойка решительно направляется к зданию, что-то крикнул на треттинском, и в дверях появился невысокий усатый человек, вытирая крупные ладони о передник.

– Не пущу, – сказал он на всеобщем. – У меня приличное заведение. Не для бродяг.

Лавиани подумала, сколь смиренной она стала за время путешествия с Летоса. Всего лишь несколько лет назад она бы забила этому дураку в глотку зубы, а теперь ищет иные пути решения проблемы. Это ли не старость?

Хотя Тэо назвал бы подобное не иначе как мудростью. Но что взять с наивного циркача?

Сойка достала из внутреннего кармана крупную серебряную монету, чем привлекла внимание трактирщика.

– Мне самой это неприятно, уважаемый. – Последнее слово пришлось из себя выдавить вместе с улыбкой, больше похожей на гримасу сраженного припадком. – Поэтому много горячей воды. Каждому из нас. Комнаты, если они у тебя есть. Новую одежду для всех. Полагаю, в вашем славном городке найдется что-нибудь. А мне еще и обувь. И еды. Им – чего они захотят, а мне куриных яиц. Дюжины три.

– Три?! – вытаращился он.

– Да. Ты прав. Я не подумала. Четыре дюжины. – Серебряная монета легла на широкую ладонь.

– Оно хорошо, любезная сиора. Но одной рен-марки на все не хватит.

Лавиани печально вздохнула и показала марку. Золотая монета решила все возможные вопросы, и недавние бродяги мгновенно превратились в дорогих и долгожданных гостей.

Час спустя, выбравшись из ванны, облачившись в синюю юбку и рубашку с вышивкой, зашнуровав ботинки (пусть чуть великоватые, довольно поношенные и стоившие неадекватно дорого даже для Рионы, не говоря про эту дыру), Лавиани вышла в маленький зал, где ее друзья уже пировали за столом возле открытого окна с видом на дорогу.

Сойка умяла дюжину яиц, пока терла себя мочалкой, но это ничуть не уменьшило ее аппетит. Сев на лавку, она стала брать из лукошка следующие, выпивать их залпом, одно за другим, сдавливая скорлупу и небрежно выкидывая ее в окошко.

– Как в тебя столько вмещается? – изумился Тэо. – Всегда было интересно.

– Тьма его знает, если честно. Когда я стала тем, кем стала, полюбила птичьи яйца. Чувствую их вкус. А у другой еды вкуса нет. Можно с таким же удовольствием жевать глину. Хотя, конечно, насыщать всякая колбаса и яблоки насыщают. Но вот что это за радость?

– И у всех других со… – Акробат осекся, решив, что не стоит говорить лишнего в подобных местах. – У всех так же?

– Не спрашивала. – Очередная скорлупа улетела в окошко. – Какая мне, к шауттам, разница, что жрут другие? Я мало с кем общалась из этой братии. Нормальных среди нас мало, и от большинства стоит держаться как можно дальше. Но мой сын любил много разной еды и никогда не жаловался, что не ощущает вкуса. Возможно, дело в рисунках. Да и какая теперь разница. Хм… Они думают что-то делать с этой свиньей или оставят ее тут до появления новых великих волшебников?

– Хозяин отправил своих работников куда-то, – не поднимая головы от тарелки с куриным супом, сказала Шерон.

– Вот как? – прищурилась Лавиани. – Отправил, значит… Вы какие-нибудь новости у него спрашивали? Ясно. Ну, хоть узнали, где мы?

– Риколи.

– Никогда не слышала.

– Городок в пяти днях пути от Рионы, как говорит трактирщик.

– Пяти днях пешком?

– На лошадях.

– Хм… не близко. Так. Что вы говорили хозяину?

– Ничего.

– Значит, этот добрый человек не любопытствовал на наш счет, а просто накормил, обогрел, помыл и нарядил, не взяв плату историями. Воистину – непознаваемы дела Шестерых, раз хозяева постоялых дворов перестали собирать слухи от странных приезжих.

Впрочем, удивление Лавиани разрешилось довольно быстро, когда трое вооруженных всадников въехали во двор. Сойка оценила широкие клинки, длинные кинжалы, легкие топоры, притороченные к седлам, кирасы и полосатые береты, украшенные значком в виде зеленого пера.

– Приятно знать, что я не ошибаюсь в том, что происходит вокруг. – Сойка с вызовом рассматривала спешивающихся. – Всего-то трое…

– Они не ждут проблем от нас. Много женщин, один мужчина. – Шерон удостоила происходящее на улице равнодушным взглядом.

– Ты не удивлена.

– Я поступила бы точно так же, как трактирщик. Позвала бы стражу Нимада проверить внезапно появившихся незнакомцев, даже если бы их карманы были полны звонких монет.

– И что будем делать?

– Говорить. – Она подняла на Лавиани светлые глаза. – А там посмотрим. Не стоит начинать приезд в новую страну с кровопролития.

– Вечно ты стараешься быть хорошей. Может, они мерзкие люди.

– Так давай это выясним.

Трое вошли в помещение, кивнули встретившему их трактирщику. Уже не молодые, представительные, с густыми усами и, как большинство треттинцев, высокие. Человек с лохматыми бровями и горбатым перебитым носом сказал, останавливаясь перед ними:

– Сиор, сиоры. Мы из стражи провинции, и Риколи находится под нашей защитой. Откуда идете?

– Из Карифа, сиор, – улыбнулась Шерон, опережая уже открывшую рот Лавиани, которая хотела сказать, что это не их дело. – Прибыли на корабле.

– Высадились в Сине?

– Простите, сиор, – еще одна улыбка, – но моряки привезли нас на шлюпке, и первый город, который мы увидели, – этот.

Она не знала, есть ли Сина или ее проверяют, и не хотела попасться на вранье.

Командир троицы подкрутил ус:

– Кто вы?

– Путники. От нас не будет зла, если кто-то беспокоится об этом.

– Ну, сиора. Тут уж мне решать. Вы довольно странная компания, как говорят. И пришли чуть ли не из Мертвых земель. Никто из местных не замечал никаких кораблей, и вид у вас был не самый представительный. Чем вы занимаетесь?

– Мы цирковые, сиор, – проронил Тэо. – Едем в Риону.

– Выступать?

– Найти новый цирк. Прежний остался в Карифе.

– Отчего же?

– Не сложились отношения. С хозяином.

Солдат осмотрел их внимательно, словно пытаясь догадаться, кто из них кем бы мог работать в цирке, но спрашивать об этом не стал. Просто что-то отметил для себя.

– Долго вы собираетесь пробыть здесь?

– Завтра хотели выехать.

Кивок.

– Мастер Клизе, подойди, – наконец подозвал он.

Подошел трактирщик, покосился на Лавиани, которая решила не терять времени и приканчивала последнюю дюжину яиц.

– Они говорили что-то?

– Нет, сиор Феланьи.

– Проповедовали? Склоняли тебя или жителей?

– Нет. Даже не заикались. И между собой ничего такого не обсуждали.

Треттинец чуть расслабился:

– Что же. Это говорит в вашу пользу.

– В пользу, сиор? – Шерон подняла брови. – Простите, но я не понимаю. Полагаю, никто из нас.

– Не понимаете. Или делаете вид. – Он внимательно смотрел на нее умными глазами, словно сам гадал, как поступить.

– Кариф далеко, а плавание вышло тяжелым. Мы не знаем новостей. Проповедовать? Склонять жителей? Вас не затруднит объяснить?

Он вновь подумал несколько мгновений, перенес внимание на Бланку.

– Эй, Тремо, – подозвал он одного из напарников. – Эта Рукавичка ведь слепая.

– Сам знаешь, что слепая, – проворчал жилистый тип, сунувший берет за пояс. – Но никто не говорил, что она варенка и рыжая. Незрячих в мире много. Да и нечего ей тут делать, она сейчас с проклятущим герцогом.

– Я Бланка Эрбет. И ваш человек прав, сиор. Слепых в мире предостаточно.

– Поступил приказ от его светлости герцога де Бенигно. Ловить всех, кто проповедует против Шестерых. Тех, кто прославляет Вэйрэна Темного Наездника и смущает народ. Обычно это чужестранцы, которые появляются на наших границах, в маленьких городках.

– И мы вызываем у вас подозрение, – с пониманием кивнула Шерон. – Как мне убедить вас, что это ошибка, добрый сиор?

– Полагаю, действительно произошла ошибка. Но всегда есть шанс, что вы не те, за кого себя выдаете. Я не могу отпустить вас, пойдете с нами в Брегэ, лейтенант сам решит, что делать.

Лавиани скрипнула зубами, и ее взгляд говорил Шерон: «Ну? Долго ты будешь болтать?»

– Сколько стоят ваши лошади, сиор Феланьи? – Вопрос указывающей поставил в тупик всех присутствующих, кроме Лавиани, бросившей взгляд в окно.

Сойка с трудом сдержалась, чтобы не скалиться в улыбке.

– Ты хочешь их купить? – недоверчиво поинтересовался солдат.

– Нам надо на чем-то добраться до Рионы, сиор. А ваши лошади, пусть они и не благородных кровей, вполне способны справиться с этой задачей. Поэтому я дам вам хорошую цену за них.

Лицо Шерон оставалось серьезным, и солдат нахмурился.

– Допускаю, что ты не поняла, о чем я сейчас сказал. Мне повторить, как мы поступим?

– Ваше терпение делает вам честь, сиор. Вы не выволакиваете меня из-за стола, а пытаетесь говорить. Я благодарна за это. – Указывающая только теперь отложила ложку, с сожалением посмотрев на остатки супа в керамической тарелке, украшенной рисунком желудей и грибов. – Я слышала, что вы сказали. И поняла. Вы очень четко и доступно объяснили про подозрения в распространении веры Горного герцогства, про лейтенанта и поездку в другой город. В иное время я с удовольствием бы посмотрела Брегэ, все говорят, что Треттини прекрасна, а ее жители очень гостеприимны, но я и мои друзья действительно очень торопимся. А своему лейтенанту вы можете передать мои извинения и сказать, что Шерон из Нимада, некромант, спешит в Риону, чтобы встретиться с другом.

От последних слов даже Лавиани округлила глаза. Но, по счастью, никак не стала комментировать.

– Некромант? – недоверчиво хмыкнул солдат. – Как из старых сказок, надо полагать?

– Сиор, вы не задумывались, что если шаутты вернулись в наш мир, а в Шаруде горит синий огонь, то и тзамас могут существовать среди вас? – Ее спокойствие смутило треттинца, и теперь он решал, сумасшедшая ли перед ним или же…

Шерон помогла ему в решении, кинув кости на стол – те мягко покатились между тарелок, остановились… Полежали мгновение и под взглядами трех солдат и хозяина постоялого двора вернулись к ней на ладонь.

– Серьезно? – спросил Феланьи, наконец-то опуская руку на меч. – Меня должен убедить цирковой фокус? Люди из фургонов умеют плеваться огнем и разговаривать с эйвами, но это не делает их повелителями смерти.

– Так обернитесь, сиор. И решите сами, кто я. Мошенница или тзамас, – последовал все такой же предельно вежливый ответ.

В дверях, перегораживая выход на улицу, стояла свинья с обожженной шкурой и перерезанной глоткой. Она внезапно стала как-то больше, массивнее и свирепее, чем была. Загривок раздулся, ноги налились силой, морда вытянулась, в пасти появилось множество волчьих зубов. Такая если подомнет под себя человека, то раздавит в лепешку.

Хозяин заорал громко, пронзительно, отшатнулся назад, перевернул пустой стол, рухнул с грохотом за ним, опрокидывая лавку, и замер там, громко стуча зубами.

Солдаты, стоит отдать им должное, выхватили клинки. Сиор Феланьи соображал быстрее и, хоть побледнел порядком, приставил клинок к горлу Тэо.

– Отзови эту тварь! Живо!

– Спишем нападение на моего друга на ваше удивление. – Шерон как ни в чем не бывало улыбалась. – Сиор, вы не выглядите глупцом. Если мой друг умрет, я сочту это оскорблением, и тогда…

Свинья тяжело шагнула вперед, и в зале стало еще более тесно.

– К тому же вы забываете, что, если он умрет, в моих руках появится новый слуга и….

– И она заставит его сожрать твое лицо, – ухмыльнулась Лавиани, готовясь в любой момент использовать талант, чтобы спасти Пружину, стоит лишь треттинцу напрячь мышцы плеча.

Шерон, уперев локти в стол, сплела пальцы в замок, положила на них подбородок, словно задумалась над задачей.

Солдат, на лбу которого выступила испарина, покосился на неподвижную гору мертвого, но живого мяса и осторожно убрал клинок от Тэо, а затем и вовсе вложил его в ножны. Его товарищи с большим сомнением сделали то же самое.

– Прекрасно, – одобрила Шерон. – Продайте лошадей.

– Мы можем взять их и так. – Сойка решила озвучить очевидную вещь.

– Можем. Но они, полагаю, купили их за свои деньги. И подобная потеря довольно сильно бьет по кошельку. Зачем нам, чтобы эти люди вспоминали нас плохим словом?

– Они все равно будут.

– И все же – дай им хорошую цену. И за упряжь не забудь.

– Мои монеты не бесконечны, девочка, – проворчала та, но стала отсчитывать серебряные марки, думая о том, что в Рионе опять придется обчищать карманы какого-нибудь дуралея. Денег и вправду оставалось совсем немного. – Я делаю это только из-за хорошего отношения к тебе. Не терплю, когда мной командуют.

Треттинцы смотрели на это со злостью, но свинья, которой надо было сделать лишь несколько шагов, чтобы оторвать людям ноги, принуждала вести себя разумно.

– Вы помните, что должны передать лейтенанту, сиор? – Шерон одним движением брови приказала свинье отойти.

– Извинения. – Солдат не отвел взгляда от мертвого зверя. – Шерон из Нимада спешит в Риону.

– Это было глупо, – наконец сказала Лавиани, решив, что нет смысла орать. – Глупо. Тупо. И недальновидно.

Городок остался позади, и вечерний тракт был пуст. Тэо и сойка ехали на собственных лошадях, Бланка расположилась на лошади Шерон, сразу за указывающей.

– Ты вообще хотела их убить, – напомнил акробат.

– Ну и убила бы. В первый раз, что ли?

– А еще трактирщика. А еще мясников и всех, кто видел нас на улице. Перестань, – попросила Шерон. – Я осознаю последствия сделанного.

– Да неужели? Мало того что они могут отправить за нами погоню, так еще и когда новость дойдет до окружения герцога… Тебя будут искать. Никто не желает некроманта у себя под боком.

– Возможно.

– Не «возможно», а точно. Что ты вообще задумала?

– Слухи летят быстрее птиц. Ты права. И Мильвио будет знать, где мы.

– Так это все ради Фламинго?! Я уже говорила, что поступок глупый?

– А еще ты говорила, что мир велик и шансов встретить Войса немного. Я это изменила.

– Но ты ведь помнишь, что тебя ищет карифский герцог? Теперь он получит информацию, где ты.

– Значит, надо быть осторожными, пока не приедет Мильвио.

– Проще сказать!

– Дело сделано, Лавиани. Я выбрала. Пусть тебе это кажется глупым, но лучше так, чем годами ждать новостей. Мы все способны за себя постоять. А если герцог мало-мальски разумен…

Сойка фыркнула.

– Арбалетный болт прекрасно лечит проблемы некромантии. Приберегу «а я тебе говорила» для подходящего момента, который, без сомнения, наступит. И довольно скоро.

– Если, конечно, кто-то поверит свидетелям, – подала голос Бланка. – Велика вероятность, что скептики решат, что солдаты напились или сговорились.

– Поэтому я оставила свинью «жить». На какое-то время. Пусть все желающие убедятся.

Лавиани поежилась, покачала головой, сплюнула и буркнула:

– Рыба полосатая. Вы сведете меня в могилу своими идиотскими поступками.

И ей никто не посмел возразить.

Глава четвертая
Облако

«Канционе д'ачайо» говорят мастера фехтования Треттини, что означает: «песнь стали».

«Канционе д'ачайо» говорят тому, кто пришел в зал первый раз. Ибо он желает ее услышать.

«Канционе д'ачайо» говорят тому, кто стал мастером. Ибо он может ее петь.

«Канционе д'ачайо» говорят, когда закончился поединок, если он был прекрасен искусством. Ибо сила песни стали в ее красоте, эффективности и наследии школ.

«Канционе д'ачайо», прощаясь, говорят тому, кто погиб в бою. Ибо он ушел, создавая ее.

Мастер фехтования Луиджи Спади. «Трактат для достойных учеников»

– Сюда? – с сомнением спросил Вир.

Бард с лютней на широком ремне, в цветастом плаще, расшитом серебристой нитью, с удивлением посмотрел на внезапно заговорившего незнакомца.

– Это вопрос? Что это за странный язык, парень?

Мысленно кляня себя, ученик Нэ улыбнулся как можно более дружелюбно.

– Дурная привычка разговаривать с самим собой.

Бард, дагеварец с почти сросшимися бровями, чуть рыхлый, хотя в его теле чувствовалась большая сила, растянул губы, и тонкие усы над его еще более тонкой верхней губой от этого действия повторили улыбку.

– И вправду дурная, савьятец. Люди разные, и кого-то это может напугать. Двинутых головой никто не жалует, а в Лоскутном королевстве так и вовсе считают таких отмеченными шауттами. Сейчас в демонов стали верить гораздо больше, чем раньше.

Он, качая головой, пошел дальше по поднимающейся в горку улице, к лавке, торговавшей музыкальными инструментами. Скрылся в ней, перед этим еще раз оглянувшись на Вира.

– Сюда? – снова повторил тот.

Светляки молчали. Они часто не считали нужным повторять советы, которые давали. А совет был таким:

– *Времени у тебя не так уж и много*, – сказал скрипучим голосом Гром нынешним утром.

Вир, свесивший ноги с карниза в пустоту над старым грушевым садом, остановил движение колокольчика, обдумывая то, что услышал.

– Времени до чего?

– *До всего. До жизни. А может, до смерти. До того, что уже случилось.*

– Не понимаю.

Смех.

– *Ты учишься.* – Голос Катрин показался необычайно серьезным, и стоило прозвучать первым словам, как смех стих, словно некто задул свечу. – *Быть тем, кто ты есть. И многого не поймешь еще долго. Этому нельзя научить, это нельзя объяснить. Оно идет от твоего сердца, от тех поступков, которые ты совершишь, и от твоей совести. Мы – лишь их выражение. Воплощение.*

– То есть, – подумав, произнес Вир, – мои способности, то, какими они станут, зависят от того, как я буду поступать? Хорошо или плохо? Если плохо, я, например, смогу… ну… летать. А если хорошо, то поджигать взглядом врага?

– *Ты не сможешь ни летать, ни поджигать взглядом*, – терпеливо ответила Катрин. – *Потому что ты не великий волшебник*.

– И не сойка.

– *И не таувин. Ты просто мальчик, что звонит в колокольчик. Мальчик Вир и пока еще… никто. Полетишь ли ты или упадешь, зависит не от нас, а от тебя*. – Она ощутила его беспокойство, так как Вир вспомнил слова Нэ: «Лети или разбейся в лепешку». – *Мы все прошли через это в разное время. Все звонили в колокольчик, ожидая ответа и того выбора, что предоставит судьба. И девочка, которую теперь ты знаешь как Нэ, тоже.*

Вир застыл, открыл рот. Закрыл.

– У Нэ есть татуировки?!

Смех ветерком обвился вокруг башни.

– *Ах, мальчик-мальчик. Нельзя рисовать на коже других, не имея собственных рисунков. Так пошло с Шестерых, так и продолжится. Или же закончится навсегда.*

Ученик ошеломленно потряс головой. Выходит, что Нэ – сойка и скрывает это? За все время, что он был с ней, она ни разу не обмолвилась о своих способностях, более того, всячески давала понять, сколь неприятно ей слышать о тех, кому пришлось подарить рисунки.

– *У нас мало времени*. – Этот голос Вир слышал впервые. Низкий, властный, красивый. – *Ты говоришь с ним о том, что не важно.*

– *Все важно, Мал…*

– *Ни к чему имена*! – резко оборвал он ее. – *Ты должен учиться, парень, и делать это быстро. Скоро мы замолчим навсегда, вернемся в сон до тех пор, пока новый достойный не возьмется за колокольчик. Рисунки дадут тебе силу и подскажут, но этого мало. Даже простая сойка сильнее тебя. Их тренируют годами, а у тебя нет учителя. Светлячки подскажут, но тело должно пробудиться и вспомнить то, чего не знает твоя голова.*

И вот Вир здесь, на улице в районе Фехтовальщиц, перед невысоким зданием, потрепанным, с трещинами на бледно-розовой штукатурке, и сомневается, действительно ли он не ошибся и ему нужно именно сюда?

Впрочем, колебался он недолго, толкнул незапертую дверь с хорошо смазанными маслом петлями. Никто не выглянул в коридор, чтобы поинтересоваться незваным гостем, и Вир осторожно пошел, заглядывая в комнаты слева и справа, но так никого и не найдя. Лестницу, ведущую на второй этаж, он проигнорировал, услышал игру сонной лютни где-то впереди.

Как и многие третинские дома, этот представлял собой квадрат, в центре которого имелся внутренний двор, скрытый стенами от чужих глаз. Здесь не росло деревьев или цветов (в Рионе часто устраивали маленькие садики в собственных жилищах), все вымощено широкими каменными плитами, сильно стертыми тысячами подошв. На плитах вился сложный рисунок из линий, складывающихся в треугольники и круги. Вир с удивлением понял, что эти линии не толще дюйма – сделаны из металла, который влили в канавки, пробитые в камне. И этот металл, вне всякого сомнения – серебро, за которым следят, не давая ему темнеть.

Оно оставалось ярким, блестящим и очень заметным.

По сути, под ногами Вира лежало целое состояние, из которого можно было бы отчеканить множество рен-марок. Довольно оригинально, даже для безумных южан.

По периметру двора стояли грубо сколоченные лавки, в правой части, там, где оказалась еще одна дверь, ведущая в помещения, – каменный колодец в виде черепахи.

Пахло вином, едким потом и вяленой рыбой.

На лавках, за бутылкой и снедью, сидели четверо мужчин с обнаженными торсами. Вся их одежда – широкие короткие пестроцветные штаны, белые гетры и кожаные мягкие туфли со смешными пушистыми бирюзовыми помпонами.

Один, с крепкими узловатыми пальцами, опустив голову, играл на лютне – и Вир не видел лица, длинные волосы, сильно припорошенные сединой, скрывали его. Мелодия из музыкаль-

ного инструмента звучала незатейливая, но приятная, наполняя неприветливый двор хоть каким-то уютом.

Другой, совсем еще мальчишка, лет четырнадцати, высокий, жилистый, грыз полоски вяленой рыбы и со значением поглядывал на вино, которое пили товарищи. Но ему никто не спешил наполнять стакан или позволить это сделать самому.

Двое оставшихся треттинцев – пожилой, с животиком, густой растительностью на груди и не менее густыми усами, и молодой, с большим длинным носом да смешливыми лучиками морщин у глаз – листали тяжелую книгу, негромко переговаривались, не тревожа мелодию.

Вир помедлил несколько мгновений, решая, как ему следует поступить, и выбрал ожидание. Сел на лавку на противоположной стороне дворика, слушая музыку. Знал, что его заметили. Паренек с рыбой то и дело бросал на него быстрые и немного ироничные взгляды. Пусть треттинец был младше Вира, но держался он, словно считал себя кем-то очень важным.

Лютня замолчала, когда играющий накрыл все струны широкой ладонью и, подняв голову, прямо посмотрел на гостя. Вир выдержал взгляд, все так же продолжая сидеть, разглядывая музыканта. Сухощавое лицо. Темные мешки под зелеными глазами и высокий лоб.

Мужчина поманил его, сказал с некоторой усталостью:

– Полагаю, ты пришел сюда не случайно, сиор. Желаешь познать искусство?

Вир кивнул. На самом деле до сегодняшнего дня он не желал. Пока светлячки ему не сказали. И пришло осознание, что это единственный способ понять, кто он такой. А затем вернуться назад, в Пубир. Как говорила Нэ.

– Все желают. Не ты первый, не ты последний, сиор. – Мужчина бережно отложил лютню и взял стакан с вином. Глотнул, рассматривая гостя. – Ты из Савьята или Соланки?

– Я из Пубира.

– Далеко же ты забрался в поисках учителя. Но ошибся дверью. Наша площадка редко принимает новых учеников.

– «Редко» не звучит как «никогда».

Носатый молодой человек усмехнулся, усач так и вовсе рассмеялся низко и рокочуще, словно гром грянул из толстой тучи.

– Упорство – ценный ресурс, а, мессерэ Менлайо?

– Ты, как старший мастер, должен знать, что одного упорства недостаточно. – Лютнист даже не улыбнулся. – Видел вывеску, друг из Пубира?

– Да.

– А две монетки на ней тоже заметил?

– Серебряная и золотая, – подтвердил Вир.

– И что они означают?

– Есть вариант, что обучение стоит больших денег.

Плечи усатого старшего мастера задрожали, и Менлайо произнес с грустной обреченностью судьбе:

– Все-то тебе веселиться, Орсио. Золотая монета говорит о том, сиор, что эта школа в прошлом обучила человека, который получил знак золотого карпа. Полагаю, ты знаешь, кто носит такую татуировку.

Вир знал.

– А серебряная?

– Говорит о том, что мессерэ, владеющий школой фехтования в данный момент, подготовил золотого карпа.

– Самого мастера Алессио! Сейчас он служит да Монтагам, – с пылом произнес подросток, мгновенно смутившийся под резким, недовольным взглядом мессерэ Менлайо из-за того, что влез в разговор.

– Получается, эта школа за свою историю выпустила двух карпов, – подвел итог Вир.

– Да. Когда приходит новый мастер, монета становится золотой, потому что она – история школы. На площадку берут только очень талантливых. Ты из таких?

– Не знаю. Тебе придется самому решать, сиор.

– Скромный, значит. Эннио, еще вина, будь любезен.

Мальчишка исполнил просьбу, наполнив простой глиняный стакан почти до краев.

– И что же тебя интересует? Копье? Благородная алебарда или, быть может, сразу искусство длинного клинка? Тоже не знаешь, судя по твоим глазам. Интересный вы народ, чужаки. Выходит, ты выбрал мою площадку не из-за вывески?

– Она была первой на улице, сиор.

Кивок.

– Кто твой прежний учитель фехтования?

– Никто.

– Ясно. Значит, все же ничего не умеешь. Ну, кроме ножа, дубинки и уличной драки, если оценивать твой вид. Я могу посоветовать хороших мастеров, которые не против принять новых учеников. Сильвестро из «Пляски вуали», например. Скажешь, что от меня. Он научит стойкам и правильно двигаться и объяснит, что это такое… – Кивок в сторону серебряных линий.

– Это «Дорога Тиона», – внезапно для самого себя сказал Вир, название просто всплыло у него в голове. – А раньше ее называли «Путями стали», или «Сентьери д'ачайо».

Ровно так же неожиданно он вспомнил, куда надо поставить ноги, как сделать первый шаг, развернуться и, подняв руки, застыть в позиции «Аист выслеживает лягушку», что в северных школах звучит куда менее красиво и называется просто подвешенной стойкой. Вир моргнул, но не стал произносить этого вслух, лишь посмотрел на круги, понимая, как бы из этой позиции он пересек двор, следуя «Путям стали», и сколько бы ударов нанес.

Восемь.

«Проклятье! Да что со мной?! – подумал он. – Это не мои знания! Это ваши!»

Но светлячки таинственно молчали.

– Сколько стоят занятия?

Всего лишь минуту назад Виру было все равно, куда идти. Он видел, что ему мягко намекают, даже советуют найти более подходящее для его способностей (которых нет) место. Понимал, что мастера правы – ученик должен постигать знания с азов, а не с уровня опытного фехтовальщика. Здесь учили иному. Но эти линии… Они пробуждали в нем нечто забытое и странное.

От этого начинала чесаться спина.

Словно Вир вдруг вернулся домой после очень долгой, тысячелетней дороги во мраке и пустоте. А потому он не желал уходить до тех пор, пока ему прямо не укажут на дверь.

– Ты не слушаешь, сиор. Я не беру новичков.

– Я прекрасно все услышал, мессерэ. Но какова цена уроков?

Третинец остался непреклонен:

– Нет смысла обсуждать то, что не случится. Ты знаешь о «Путях стали», это похвально. Но я не вижу в тебе фехтовальщика. Ты двигаешься не так, как мы. А это значит, для того чтобы из тебя сделать нечто сносное, потребуются годы.

– У тебя их нет?

– Может, и есть. Но моя лень известна всему кварталу. Не вижу причины, чтобы побороть ее ради незнакомца.

– Возможно, незнакомца стоит испытать? Что заставит тебя отставить стакан и посмотреть, что я умею?

– Ничего. Я вижу, что ты не умеешь ничего, настойчивый гость из Пубира. Но мой сын, если ты того желаешь, за одну марку проверит твои возможности. – Он повел стаканом в сторону Эннио.

– И я получу марку, отец? – обрадовался подросток.

– Ты получишь вина, так и быть. А марку заберет школа. Но понимаешь ли, в чем дело, вряд ли у сиора в кошельке есть золотая монета.

– У меня и кошелька-то нет, – ничуть не смутившись, улыбнулся Вир. – Довольно высокая цена.

– Жители Пубира любят торговаться. Но мы известная школа и известные мастера. Наши услуги стоят дорого, даже если их оказывает юноша, пока еще не получивший звание мессерэ. Будет золотой и появится желание его бездарно потратить, заглядывай на огонек. Мне понравилось твое упорство.

Марка у Вира была. Он неплохо разжился на прошлой неделе, подрезав кошелек у какого-то богатого дагеварского купца, пока тот глазел на гибких девиц в трико – из бродячего цирка, приехавшего в город.

Монета подлетела в воздух, и носатый молодой мастер, имени которого Вир не узнал, выбросил руку, поймав ее. С сомнением надкусил, изучил:

– Сиор-р полон сюр-рпр-ризов. – Он дождался неохотного кивка Менлайо. – Твой выход, юный Эннио.

Парень обрадованно встал, ухмыляясь. Треттинец был ниже, легче и моложе, но, судя по задиристому виду, испытание его ничуть не смущало. Мастер, заметив это, произнес:

– Сын. Он даже не ученик. Никаких травм, забав и развлечений. Нет чести победить того, кто не знает, как держать меч.

– Да, мессерэ, – тут же посерьезнел Эннио.

Он бросил придирчивый взгляд на руки Вира и, пошуровав в ящике за лавкой, извлек стеганые перчатки:

– Наденьте, сиор. Они должны быть вам впору. Я буду осторожен, но новички часто подставляют пальцы под удары.

Затем юноша принес полуторные мечи, где вместо клинков были лишь полосы металла, а острия (точнее, намеки на них) закрывали деревянные шарики.

Вир взял тяжелый меч за рукоятку. Попробовал так, затем сместил пальцы, чуть меняя хват. Непривычно. Неудобно.

Эннио уже ждал его на середине площадки, стоя на треугольнике. Показал клинком на полосу, круг, полукружье:

– Это стандартная техника для новичков, сиор. Подшаг, нога сюда, затем вот из этой стойки удар. Если сделать вот так, то можно перейти в укол. Если противник знает, что вы задумали, то, если сместить ногу сюда и повернуть запястья, укол переходит в парирование. «Аист парит над болотом».

Юноша показал. Двигался он очень легко, и все движения сливались в одно. Длинное, тягучее и в то же время быстрое и смертоносное.

– Попробуйте, сиор.

Вир попробовал. Вышло довольно неловко, к тому же на последнем подшаге он неправильно сместил центр тяжести, отчего провалил защиту, и стальная полоса оказалась не у него перед лицом, а гораздо ниже, открывая голову для удара.

– Ничего, сиор, – подбодрил его Эннио. – Не у всех получается сразу.

Менлайо скучал. Орсио ухмылялся. Носатый не выказывал никаких эмоций. Попробовали еще несколько раз, но выходило все так же не особо ловко.

– Алебарда бы ему больше подошла, – проронил Орсио. – Или длинный меч. С его ростом и силой двуручник самое то.

– Жизнь полна сложностей. Нападай, гость из Пубира. Ударь Эннио, – предложил Менлайо.

– Куда?

– Откуда мне знать? Меч у тебя. И можешь его не жалеть. Бей, словно бы желал убить.

Вир так и поступил. Нанес удар в левую щеку и… В первую секунду не понял, что произошло. Треттинец на миг исчез из поля зрения и уже стоял очень близко, его клинок сбил клинок Вира в сторону, а круглый деревянный шарик наконечника крепко прижимался к левой скуле. Мальчишка держал меч, перекрестив запястья и направив полуторник под странным углом.

«Аист выбивает глаз змею» – вспомнил Вир этот вход и контратаку южной школы. Ей можно было противопоставить простую «Цапля взмахивает крыльями» или же «Ласточка вьет гнездо». Две разные техники, две совершенно разные школы – Кариф и Треттини, хотя в то время таких стран и не было.

Вновь чужие мысли и воспоминания. Но теперь он им не сопротивлялся.

Эннио с немного виноватым видом (но в серо-зеленых глазах сверкнули насмешливые искорки) убрал меч от лица противника.

– Еще раз, – попросил гость. – Давайте попробуем еще раз. Точно так же.

Юноша пожал плечами. Он не видел причин отказывать тому, кто желает проигрывать постоянно. Удар, вход и… шарик вдавливается в щеку Вира.

Он мог бы избежать этого. Знал, что мог. Но инстинкты заставили тело сделать кое-что иное, а его мозг – остановил это действие прежде, чем оно успело начаться. Потому что вместо «Ласточка вьет гнездо» самым рациональным вариантом в бою было использовать ускорение. Попросить силу у светлячка и накромсать противника на несколько кусков.

Если бы Вир послушался, то перед зрителями развернулось бы очень странное зрелище. А Эннио мог пострадать.

«Нет! Хватит! – прорычал он про себя. – Я не буду пользоваться этим при каждом подвернувшемся случае! Это глупо! Надеяться лишь на умения соек! Только при крайней необходимости»

Неслышный вздох был ему ответом.

– *Да*, – одобрил Оглен. – *Так и надо. Так и будет. Теперь я спокоен.*

– Еще раз? – участливо спросил сын мастера фехтовальной школы.

Вир снял перчатки, они были лишними и мешали.

– Да.

Никто не остановил его и никак не прокомментировал действия.

Он снова атаковал, молниеносно и решительно. Юнец опять сместился, но на этот раз Вир продолжил движение, отклоняя голову чуть вправо. Аист не выбил глаз змею. «Ласточка расправила крылья» – клинок Вира скользнул по мечу треттинца и в развороте устремился тому в висок.

Эннио, не ожидавший подобного, все же угадал движение, пригнулся, и сразу ударил в правую, выступающую вперед опорную ногу Вира.

«Аист чистит перья», и ему в ответ – «Двурогий плуг», опущенный под углом клинок, чье острие смотрит вниз. Сбил оружие противника, и тут же ответный глубокий выпад, переходящий в укол, под самую грудину.

«Пчела летит в улей». Низкая стойка опасно открыла Виру предплечья, он уже знал, что будет, если юноша успеет среагировать. Но знать это одно, знания появлялись удивительно быстро, а вот тело, не готовое к подобным движениям, несмотря на всю силу и ловкость ученика Нэ, отвечало излишне медленно.

Излишне медленно для поединка с вполне хорошим фехтовальщиком.

Мышцы, не привыкшие к такой работе, не понимали, чего от них хотят и как следует поступать, а позвоночник внезапно дал о себе знать болью в пояснице, стоило лишь ему резко податься вперед, вытянувшись почти в струну.

Эннио понял, что будет.

Легким движением «Аист перепрыгнул через лиса» и «Взял в гнездо ветку».

Полуторник упал уже начавшему разворачивать клинок для блокирования Виру на предплечья. Он видел, что мальчишка в последний миг сдержал удар, чтобы не нанести травму, и металл лишь коснулся кожи.

– А вот это было интересно, – произнес Орсио, перестав улыбаться. – «Ласточка» – Кариф. «Плуг» – северяне, да еще и времен таких седых, что об этом мало кто помнит. «Пчела»? Ведь это было что-то очень похожее на «Пчелу»? Соланка? Серьезно, парень? Они никого не учат этим техникам.

– Его и не учили. – Менлайо протянул сыну заслуженное вино.

– Тогда откуда?

– Какая мне разница? Ты умеешь читать, сиор?

– Да, – ответил Вир, спина все еще гудела.

– Ну, вот тебе и самое разумное объяснение, мой друг. Хорошая память, есть ум и атласы фехтования.

– Филгам не создавал атлас своих техник. Соланка никогда бы не поделилась…

– Перестань. Всегда есть отщепенцы. А в прошлом, до Катаклизма, говорят, «Пчела» была основной школой юга Единого королевства. Если он захочет, то расскажет нам об этом. Но у него и вправду не было учителя. Ты же видишь.

– Вижу, – согласился Орсио, и его носатый друг с жаром кивнул. – Двигается как залитый воском краб. Ноги неустойчивы, стопу проворачивает, баланс шауттам на смех, гибкость в пояснице… ее нет для меча. Но мозги и видение есть. Он понял, как расколоть Эннио.

– Но не расколол! – возмутился юноша.

– Потому что двигается как залитый воском краб, – повторил Орсио.

– Ты учишься с рождения, а он меч взял впервые, – напомнил главный мастер школы. – Если его погонять несколько лет, будет результат. Возможно.

– Так вы берете меня?

– Возможно, – неохотно произнес третинец после долгого молчания. – Я не люблю тайны, парень. А вокруг тебя какая-то тайна. Секреты вредят искусству. Хорошо. Попробуем, а там поглядим. Но если возникнут какие-то проблемы, а вода начнет мутнеть и тухнуть болотом[1] – мы расстанемся без сожалений.

– Согласен.

– Ну тогда канционе д'ачайо, сиор. Будешь появляться здесь ежедневно, по утрам. Золотая марка в месяц твоя плата. Нет денег, приходи, когда появятся.

На том и порешили.

Мост Арбалетчиков, почерневший за столетия, с тремя опорами, которые возле основания заросли склизкими зелеными водорослями, волновавшимися от течения Пьины, точно волосы уины, соединял районы Свирелей и Фехтовальщиц. Река здесь была узкой, порожистой, с обрывистыми базальтовыми берегами, и делала резкий виток на восток.

Во вторую половину дня вдоль русла, стекая с холмов, всегда дул ровный ветер, поэтому детвора из прибрежных кварталов собиралась в центре моста, на широкой круглой площадке, которая своими краями выдавалась далеко вперед над Пьиной, точно козырек. Игра «Благо-

[1] Третинская поговорка. Означает «приносить беду, доставлять проблемы». – *Здесь и далее примеч. авт.*

словение Войса» была популярным развлечением местных, и Вир иногда наблюдал эту незатейливую забаву.

Бумажные птички одновременно бросались с моста и, летели, подхваченные ветром. Все зависело от мастерства мальчишки и удачи, которую дарил Войс счастливчику. Если складывалось – тогда птаха летела далеко и долго, а потом, вместе с рекой, поворачивала на восток, исчезая с глаз. Такое случалось не часто (уж куда больше бумажных журавликов оказывалось в воде почти сразу после броска), но если случалось, то победитель ликовал.

И бежал к продавцу бумаги, который держал тележку возле памятника Родриго де Бенигно – в народе того называли Родриго Меткий, а большинство чужестранцев знали как Родриго Первого, основателя нынешней династии герцогов Треттини.

Славный наемник, храбрый солдат, доблестный муж, командир арбалетчиков, прошедший десятки войн. Участник заговоров и переворотов, служивший многим благородным господам. Тот, кто гнал ириастцев до Лентра в Годы Голода и кто на коне въехал в тронный зал немощного глупого герцога, чтобы свергнуть его и спасти любимую страну от разорения богатыми землевладельцами, превратившими города собственной страны в невольничьи рынки, знаменитые на весь мир. Откуда прекрасных женщин отправляли в Кариф, Дагевар, Мут и Соланку.

Родриго разорвал этот позорный порочный круг, став во главе государства. За это его ненавидели благородные, устроив пятилетие гражданских войн, и обожал простой люд, вставший на его сторону. Меткий победил недругов, уничтожил всех, кто выступил против него, и поставил на их места новых людей.

Создал из грязи, что была его плотью и кровью, новое дворянство, теперь, спустя столетия, считающееся вечным и незыблемым.

У величайшего герцога этой страны было худое, чуть осунувшееся лицо с резкими чертами и горбатым орлиным носом, высокие тонкие брови, гладко зачесанные волосы до плеч и глубоко посаженные глаза. Одежда солдата, а не герцога: стальной воротник, кольчужная рубаха с короткими рукавами, штаны и грубые ботинки. Он опирался одной рукой о луку арбалета, глядя куда-то вдаль, в сторону Южных ворот, наблюдая за тем, как живет его город.

Ни парчи с бархатом, ни серфо, ни венца с шестью Звездами – прекрасными бриллиантами, который Родриго получил в подарок от алагорцев, теперь ставший короной герцогов. Никаких регалий и богатств, как свойственно изображать величайших правителей прошлого во всем цивилизованном мире, от Летоса до Лоскутного королевства.

Родриго любили именно таким. Простым. Своим. Обычным. Человеком из народа, который возвысил своих потомков, доказав, что подобное возможно не только в прошлые эпохи.

Ему до сих пор приносили цветы – он считался покровителем города, и поклониться ему было давней традицией, приносящей удачу. Вир, ежедневно проходящий по мосту дважды – из своего района в район Фехтовальщиц и потом обратно, – видел свежие охапки маленьких бледно-карминовых роз, белых нарциссов, желтых тюльпанов, а то и вовсе простые ветки сирени.

Иногда он останавливался, когда шел домой, и, прислонившись к перилам так, чтобы видеть и памятник, и мальчишек, наблюдал, как бумажные птицы встают на крыло и планируют над темнеющей водой, которая отражала вечерние огни многочисленных прибрежных заведений, где наливали прекрасные сорта терпкого крепленого вина, коим славились местные виноградники, а на жаровнях готовили рыбу и морских гадов.

Вир порой заходил в приглянувшуюся харчевню после того, как заканчивались занятия на площадке мессерэ Менлайо, чтобы скоротать там часок перед возвращением домой.

Его прогресс поражал всех в школе. То, какими шагами он продвигался в освоении искусства песни со сталью, вызывало удивление и даже подозрение. Не раз и не два Орсио ворчал, что присутствует при каком-то глупом розыгрыше и чувствует себя дураком.

– Быть может, это Альфео шутит? – задумчиво произносил он, хмуря кустистые брови. – В его духе. Подсунул своего ученика, чтобы сделать из нас посмешище. Ты от Альфео, парень? Или вовсе кто-то из «Серебряной розы»? Но зачем? Не понимаю. Не по-ни-маю!

Вир схватывал все на лету. Угадывал движения, комбинировал сразу несколько школ, не чураясь северных, считавшихся на юге слишком уж простыми и откровенными, недостойными опытных мастеров. Делал то, чему его не учили. С каждым разом все лучше. И уже дрался наравне с Эннио, на тех же скоростях, просчитывая на два-три хода вперед и плетя сложную вязь. Конечно же до сих пор проигрывал юнцу, не говоря об опытных учителях школы, но пер напролом, поглощая (а точнее, пробуждая в своей голове) знания.

Чужие знания. Он это сознавал. Доставшиеся ему из прошлого, пришедшие к нему благодаря рисункам, появившимся на коже через иглу и краски Нэ. Ожившие с помощью старого колокольчика.

Вир не очень-то этого желал. Всегда иначе представлял себе жизнь, полностью оставаясь довольным своей ролью в Пубире. Но Нэ сказала ему узнать себя, понять, кто он есть.

Лететь или упасть.

И Вир слушался. Потому что доверял ей. И любил ее, как единственного члена семьи, которой у него никогда не было. Пускай старая карга сварлива, а иногда и жестка, но она заботилась о нем, а забрав с улицы, сделала из него совершенно иного человека.

Научила читать, пустила в библиотеку, подняла из грязи проулков в башню. И Вир собирался сделать так, как она ему велела.

Потому что Нэ тревожили события в мире. И ей может потребоваться помощь.

Он не знал когда, но надеялся, что светлячки, пускай говорившие с ним все реже и реже, подскажут. И поэтому усиленно тренировался, а тело… привыкало.

К новым движениям, пластике, растяжке, нагрузкам и боли в совершенно неожиданных местах. Постепенно, шаг за шагом (хотя в десятки раз быстрее, чем у любого другого новичка) тело становилось иным, запоминало чужие движения, баланс, легкость шага и скорость рук.

То, что принадлежало также не ему.

Другим.

Катрин, Эогену, Грому, Оглену и прочим.

– *Память поколений*, – так это охарактеризовал тот, кто попросил Катрин не называть его имени. После этого больше голос ни разу не звучал. Но Вир знал, что таувин там, вместе со всеми. Наблюдает и учит.

– Хочешь отправить птицу? – отвлек его от мыслей торговец бумагой. – Вижу, ты наблюдаешь за игрой уже не первый день.

– Иногда наблюдение за игрой интереснее самой игры, – с извиняющейся улыбкой отказался Вир.

– Если побеждаешь, это приносит удачу. Несколько медяков за удачу, которая никогда не лишняя, не так уж и много, как ты думаешь?

Вир снова улыбнулся, и торговец без злобы улыбнулся в ответ, видя, что человек не собирается покупаться на его уловки продать товар. Действительно, чего злиться, когда всегда найдутся желающие бросить бумажную птаху с моста, отдав ее на волю ветра?

В таверне «Чесночная госпожа» оказалась тьма – тьмущая народу, под вечер сюда приходили из всех ближайших кварталов. Слуги, обносящие столы, уже знавшие Вира, нашли ему единственное свободное место на веранде – широкой дощатой площадке, сколоченной на заднем дворе и выступающей над рекой.

Стол – с одной неустойчивой ножкой, такой, что нельзя опереться локтями о столешницу, не боясь перевернуть ее вместе с тарелками. «Стул» – обтесанный кусок бревна, отполирован-

ный сотнями посетителей, стоял возле перил, которые не давали перебравшим вина и пива свалиться в Пьину.

Из-за того что посетителей оказалось с избытком, Виру пришлось ждать своего заказа почти час. Пока готовили еду – набор разнообразных моллюсков в пряных соусах и рыбу, обвалянную в сладких сухарях, а после обжаренную в масле, ему принесли тарелку с отварными яйцами в очень острой грибной подливке и большую кружку орехового пива. Вкус его, несмотря на месяцы в Рионе, до сих пор казался странным – слишком уж горькое, но Вир привык и теперь, сидя на бревне, наслаждался медленно опускающимися сумерками, теплым воздухом все сильнее пробуждавшейся весны, слушая разговоры.

Двое пузатых гильдийцев, явно не из последних людей среди зерновых мастеров, ворчали над тарелками с осьминогами, запеченными в овощах и вине.

– Налог этот проклятущий. Я люблю нашего владетеля, не подумай. Знаешь же, жаловаться не хочу, но в этом году как-то сурово мельчает мой кошелек. Три марки на морской сбор.

– А что ты хотел? Мы уже столько месяцев строим новый флот. Верфи в порту работают день и ночь, древесину везут с севера и запада. Стране требуются корабли.

– Слушай. Ну какие это корабли? Корыта. Как на них воевать?

– Так не для войны же, а чтобы перевезти армию через Жемчужное море.

– Ты и вправду считаешь, что Алагория и Ариния дадут нам своих солдат, если Фихшейз и Ириаста падут, а горный герцог придет к нашим границам?

– Дадут. Если Треттини останется одна, то велик шанс, что Эрего да Монтаг обратит свой взор через море на следующие страны. Может, и на запад, но, скорее всего, на восток. Лучше помочь соседу, чем получить войну на своей земле. А чтобы перевезти солдат, требуется много кораблей. Так что не жалуйся, друг. Сейчас ты заплатишь три марки, но это позволит всем нам сохранить свой дом и дело целыми и не кланяться в ноги проклятущим последователям Вэйрэна.

– Ну, твоя правда. Хотя, скажу я тебе, тогда надо помогать Фихшейзу и Ириасте. А не копить силы.

– Фихшейз пал. – Не только Вир слушал беседы соседей. Темноволосый житель Нейкской марки в темно-желтом плаще почтового курьера медленно потягивал крепкий апельсиновый ликер из высокого кубка. – Вестер открыл ворота и сдался, армии разбиты, отступают к границам Ириасты. Горное герцогство победило в войне, но не собирается останавливаться и движется дальше на юг. А с ними сила проклятущего асторэ.

– Это точные новости, сиор? – поинтересовалась невысокая пожилая женщина в приличной одежде, которую сопровождал крепкий плечистый мужчина со шрамом на тяжелом подбородке. Судя по оружию на поясе, он был ее охранником, пускай и сидел с ней за одним столом.

– Точные? – делано удивился курьер. – Точные новости, любезная сиора, только в письмах с печатью герцогской курьерской службы. Этим депешам можно доверять безгранично. Все остальное – лишь слухи, пока не попадут в письма с печатью герцогской курьерской службы.

Его слова вызвали улыбки у присутствующих, несмотря на дурные вести.

– Но, надо полагать, вы им доверяете. – Женщина, явно волнуясь, сцепила морщинистые, в темных пятнах родинок руки.

– Да, сиора. Я бы очень хотел, чтобы в слухах было как можно больше неправды, но… – Он мрачно подвигал челюстью, не глядя ни на кого. – Уцелевшие отряды из западной армии Фихшейза уже на пути в Ириасту. Как и тысячи беженцев. Что происходит у них на востоке, я не знаю. Но, говорят, бои идут за каждый город. Битва у брода Трех дорог, сражение в лесу Шершней… Много где…

– Как они могли проиграть? – Тощий темноволосый парень со знаком студенческого содружества на рукаве был единственным трезвым из троицы приятелей, которые, перебрав

пива цвета топленого меда, спали, уронив головы на столешницу. – Они же всегда дрались с горными. Веками. И никто не мог взять верх.

– Сила асторэ, парень, – напомнил ему гильдиец. – Говорят, с этими ублюдками чудовищные существа, что плюются магией, которая за раз убивает сотню храбрецов.

– А кто-то болтает, что эти твари раньше были людьми, но благодаря новой вере стали вот такими вот убийцами. И там, за горами, на это охотно идут всякие дураки, лишь бы уничтожить память о Шестерых, – зло сказал смуглый мужик в одежде, украшенной множеством разноцветных ленточек какого-то наемного отряда, названия которого Вир не знал. – Магия, сиоры. Проклятая шауттами магия, вернувшаяся в наш мир, хотя все считали, что Катаклизм, будь он неладен, ее полностью уничтожил. Скажите мне, честному воину на двойном жалованье, как мечом сражаться с волшебством? Как противостоять такой силе?

– Для этого следует быть волшебником, – негромко согласилась с ним сиора.

– Вот только нету их больше. Взяли да и вывелись.

– Отчего же? – Член гильдии поднял высоко вверх пустую кружку, показывая разносящему, чтобы принесли новую. – Слышали новости из Риколи?

Кивнул только студент. А Вир даже не знал, где этот Риколи находится.

– Там едва не поймали настоящего некроманта. Шарон из Лобоса, так ее звали.

– Шерон, – поправил его студент. – И не из Лобоса, а из Пограничного, это город в Варене, на берегу моря Мертвецов. Самое то место, чтобы жить некроманту.

– Настоящая тзамас? – Лицо пожилой сиоры выражало полное недоверие. – Очень сомневаюсь, что такое возможно. Этих тварей уничтожили еще во времена Войны Гнева.

– И поэтому Летос наводнен указывающими, которые охотятся на заблудившихся? – позволил себе улыбнуться курьер.

– Не путайте указывающих с тварями, повелевающими мертвыми, дорогой! – отрезала она. – Между ними очень большая разница. В той ситуации, в которой оказался Летос после Катаклизма, носящие алые плащи – несомненное благо.

– Летос, – проворчал наемник. – Где этот Летос? Страна на самой окраине мира, куда почти никто не ездит и ничего о ней не знает. Может, они заодно с этим Вэйрэном. Талорис, проклятый город, где-то там, близко.

– Аркус ближе к нам, чем Талорис, сиор, – парировала женщина. – А некромант, если верить почтенному мастеру, еще ближе. До Риколи несколько дней верхом.

– Если только некромант существует. Откуда бы ему взяться спустя столько веков?

– А откуда взялись шаутты? – резонно возразил наемнику почтовый курьер. – А эти образины Эрего да Монтага? С той стороны конечно же. Все они приходят оттуда. Так что там эта некромант, любезный? Что произошло в Риколи?

– А что происходит, когда появляется повелитель мертвых? Все как в сказках, друг, – с мрачным видом произнес второй гильдиец. – Говорят, эта Шарон подняла целое кладбище и натравила на живущих в Риколи. Мол, встретили они ее без уважения и отпускали гаденькие шуточки о ее бородавке на носу, а когда примчалась стража, то мертвые их разорвали и взяли в свою армию.

– Враки! – возмутился студент. – Всем известно, что Шерон оживила лишь дохлую собаку, раздавленную телегой. И этого хватило, чтобы все разбежались. Никто из людей не умирал.

Гильдиец громко фыркнул, но тут ему и товарищу принесли по новой кружке пива, и они не стали вступать в спор с каким-то там студентом.

– И что же она желает? – с любопытством спросила сиора.

– То мне неведомо. – Молодой человек решил не сочинять ничего от себя.

– Зато мне ведомо. – Дородный разносчик пива в кожаном фартуке слышал часть разговора. – Все слухи сходятся на том, что она идет в наш город. А может, что уже и здесь.

Наемник недоверчиво хмыкнул, студент несколько побледнел и заказал еще пива, решив догнать спящих товарищей, а пожилая дама переглянулась с телохранителем и явственно поежилась.

– Зачем ей приходить сюда? – не выдержал Вир.

– Козни чинить! – мрачно ответил курьер. – Может, власть захватить. Свергнуть правителя да стать темной герцогиней.

– Ты поосторожнее со словами, – предупредил его наемник. – В наше время их могут счесть мятежом.

– И где же тут мятеж-то? – недоуменно спросил тот. – Я не призываю. Это колдунью надо ловить, а не честных граждан.

– Поймают, – пообещал гильдиец. – Если уже не поймали.

– Если бы такое случилось, мы бы знали. – Женщина устало повела плечами. – Город бы лежал в руинах, а по улицам ходили мертвые. Как в прошлые эпохи. Что же до твоего вопроса, молодой человек, мужчины всегда склонны видеть плохое. Быть может, она идет не на нашу погибель, а для помощи.

– Помощи?! – вскричал высокий тощий горожанин с серым землистым лицом, до этого не поднимавший глаз от тарелки. – Дорогая сиора! Но какая, к Шестерым, может быть помощь от тьмы?!

– Мы живем в странные времена, уважаемый, – с достоинством ответила та. – В столь странные, необычные и тревожные, что я не удивлюсь, если даже тзамас может встать на сторону обычных людей, а не Вэйрэна. Если бы она помогла в войне против него, нашей армии это на руку. Впрочем, что может знать простая женщина о войне?

Ее слова неожиданно заставили всех задуматься. И только тучный человек, сидевший слева от Вира и до сих пор не принимавший участия в беседе, казалось больше интересующийся закатным видом на реку и мост, чуть нахмурил тонкие брови.

Этот тип не понравился ученику Нэ с первого взгляда. Хотя бы потому, что незнакомец выдавал себя не за того, кем являлся. Вир встречал подобных людей в Пубире, с виду вроде ничего важного, но за серой простой одежкой мог скрываться кто угодно – начиная от тайного соглядатая капитана городской стражи и заканчивая личным помощником Борга. Или даже сойкой.

Одет как горожанин, на тканевой куртке следы потертости, по плащу пятна грязи. Сразу возникает мысль, что бедный ремесленник, особенно если обратить внимание на широкий кожаный пояс с металлическими вставками, на которых выгравирован знак парусных мастеров. Но вот руки… Руки не создателя парусов. Там работа достаточно грубая и тяжелая.

А тут холеная нежная кожа, маленькие пальцы, никаких мозолей, аккуратно подстриженные ногти. А еще следы от множества колец, которых сейчас не было.

Грузный, с мясистым лицом и широким носом, с редким седым пушком за ушами и странными глазами. Карими, но находящимися на разном уровне, отчего возникало впечатление, словно когда-то давно кто-то сплющил человеку голову, а затем собрал обратно. Собрал почти идеально, не оставив никаких видимых следов, кроме съехавших глаз.

Сколько ему? Пятьдесят? Шестьдесят? Несмотря на избыточный вес, он казался крепким малым, вон какие плечи и толстая шея. Сильный крепыш с нелепыми нежными руками.

В ногах у мужчины, прямо под столом, лежала маленькая белая кудлатая собачонка. Ее глаза казались красноватыми, слезящимися и больными, лапки тоненькими, а хвост – совершенно голым. Розовый, короткий.

Еду у хозяина не клянчит, лежит спокойно и… внезапно Вир понял, что собачонка взгляда с него не спускает.

Он посмотрел на псину. Псина посмотрела на него. Тьма знает чего ей надо. Вир выбросил ее из головы.

Когда женщина сказала о том, что мифический некромант, возможно, мог бы и помочь, разноглазый мастер парусов скривился, словно обнаружил в своей тарелке нечто совершенно отвратительное.

– Вспомните мифы, сиора, – проскрипел он голосом, словно его горло было повреждено. – Тзамас всегда считались врагами людей и волшебников.

– Я помню. Но волшебников давно нет, дорогой сиор, а людям требуется любая помощь.

– С этого все и начинается, – вздохнул хозяин собаки. – Горный герцог тоже желал помощи и обратил свой взор к асторэ. И что же? Где он теперь? Мертв. Правит его сын, и идет война.

– Чуть больше огня, чуть меньше, – махнул рукой курьер.

– Огонь – это мертвецы, – серьезно пояснил ему мастер парусов. – Он будет не где-то там. А здесь. И возможно, заденет каждого из нас.

– Как же справиться с асторэ без волшебников? – вновь вернулся к старой теме наемник.

– Волшебников нет, а вот волшебства в Рионе в последнее время куда ни плюнь, – вновь подал голос тощий мужчина с землистым лицом, который недавно удивлялся, какую помощь можно получить от тьмы. – Знаете же, что в Лиловой башне семьи де Тельви поселился лунный человек? Его даже видели. Как он крадется по заброшенному саду, а потом залезает в проклятое строение и звенит цепями. Звон там в районе все замечали. Как колокольчик. Динь-динь.

Вир едва не подскочил, услышав это.

– И зачем он звенит цепями? – со скепсисом спросил наемник.

– Ну, может, зовет других демонов.

– Кто-то замечал, что огонь ночами горит синим? Кто-то видел ожившие тени? Нет. Ну, значит, никаких шауттов в Рионе не имеется, слава Шестерым. А все это лишь бабкины страшилки, – равнодушно ответил ему солдат.

– Страшилки? – Горожанин постарался не повышать тон, от человека, предлагавшего свои умения для войны, легко можно получить в зубы. – А как вам тварь, что поселилась в районе Пепельной Кучи? Она магией раскидала добрых людей, хоть и имела человеческий облик. Многие стали свидетелями.

– И ты? – с усмешкой спросил гильдиец.

– Я – нет, – не дал себя сбить с толку мужик с землистым лицом. – Но парня, на которого эта тварь напала, знаю. Ликка, человек-гигант. Так его звать. Он в Портовых Ямах десять лет назад был личным бойцом сиоров де Олийви. Все, кто боями интересуются, его помнят.

– Он как гора, – сказал студент.

– И его отправили в полет через весь двор. Тварь в образе обычного молокососа, которая долго скрывалась среди нормальных людей. Наверное, очередное порождение асторэ.

Виру совершенно не нравилось, куда заходит разговор.

– Поклонники Вэйрэна, забери их тьма, – ругнулся второй гильдиец. – Скольких уже поймали? Герцог приказал сжигать их в стальных клетках, на площади Храма Шестерых. Но жги или не жги, появляются новые. У нас еще мало. А говорят, на севере каждый второй верует в подобную гнусь. Тараш уже с Горным герцогством. И часть Дарии, и, может быть, даже Варен. Зараза распространяется.

– Тупые северяне, мать их, – в первый раз подал голос телохранитель сиоры, и все с этим согласились.

Виру принесли еду, и он поймал взгляд человека с разными глазами. Тот пару мгновений спокойно смотрел, затем едва приподнял пузатый бокал на тонкой ножке, в котором плескалось покрасневшее из-за расплескавшегося по небосводу заката белое вино.

Вир не стал удивляться. Чуть склонил голову, приветствуя в ответ, занялся ужином, продолжая слушать беседы посетителей таверны. А маленькая кудлатая собачка, положив голову на лапы, бесстрастно следила за тем, как он ест.

Никто ему не подсказывал. Не было никакого «странного чувства» от светлячков, возникавшего иногда в процессе обучения фехтованию, когда инстинкты просили, а порой и требовали получить невидимой палкой по лопатке. Светлячки все меньше говорили и все больше молчали.

Но Вир – кровь и плоть самых темных, грязных и преступных закоулков Пубира, знал, что за ним следят. Некто, не выделяясь среди множества горожан на ночном, хорошо освещенном проспекте Королей, шел за ним от самой Пьины. Несколько раз парень останавливался, пытаясь обнаружить неизвестного, полагая, что это один из тех, кто находился в таверне. Но никого не увидел.

Домой решил не идти. Прошел площадь Фонтанов, Храмовые весы, Третинскую лестницу, Лазурную спираль и мавзолей великих волшебников. Посмотрел огненное шоу, которое давали циркачи, приехавшие в столицу, как и многие другие люди их профессии, по приглашению герцога. Чтобы принять участие в фестивале и хоть немного отвлечь народ от тяжелых слухов, приходящих с севера.

Праздно шатаясь по улицам, зная, что через пару часов даже самые оживленные начнут пустеть и у патрулей стражи начнут возникать вопросы к тем, кто бродит по центральным районам города без причины в столь суровые времена вместо того, чтобы спать, Вир усиленно думал.

Вариантов не так уж и много. Нэ боялась, что кто-то из окружения Борга узнает о его даре и придет за ним. Вероятность того, что это случилось, пускай охотникам пришлось преодолеть Лазоревое море и все герцогство с запада на восток, достаточно высока. Старуха предупреждала его, наставляла быть осторожным, «потому что нельзя долго прятать шаутта в мешке». Наверное, именно поэтому она его и отослала.

Вир был не из трусливых, но знал, что с представителями Ночного Клана, настроенными серьезно, придется туго. Даже несмотря на его новый, пускай и совершенно не развитый опыт. А если уж за ним следит самая настоящая сойка – совсем худо.

Но, возможно, кто-то из тех, кто видел его в районе Пепельной Кучи, вспомнил о событиях, случившихся во дворе дома Нунцио. Решили отомстить?

Он перешел узкий мост через Метру, каскадный приток Пьины, стекающий с холмов района Погребальных Слов: зажиточного, чинного, без ночных шакалов, со множеством садов, парков, скверов, узких проулков, проходов, мостов и мостиков. Здесь можно было спрятаться или сбить преследователей со следа.

Надо всего лишь избегать патрулей стражи, к тому же большое кладбище, занимавшее всю восточную часть этой территории, слыло непролазным из-за сотен склепов, разросшихся кустов жимолости – и как нельзя кстати подходило Виру, дальним концом врезаясь в район Свирелей, где ждало его логово.

И Вир оторвался. Запутал следы среди высоких заборов, густых теней и тихо шепчущих на ветру ветвей каштанов. Во всяком случае, он так считал, пока не оказался возле некрополя и не услышал мягкие странные шаги там, где проходил всего несколько минут назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.